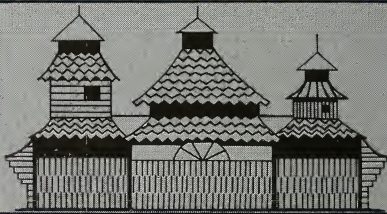

EX
LIB
RIS

PAUL R. MAGOCSI

А свѣтъ узрѣлъ подъ Тескидоуиъ,
Первыйъ воздухъ русскій осалъ,
А кормился русскимъ хлѣбомъ,
Русинъ мнѣ колыхалъ.

ПОЗДРАВЛЕНІЕ

РУСИНОВЪ

НА ГОДЪ

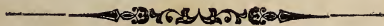
1 8 5 1

О Т Ъ

ЛИТЕРАТУРНАГО ЗАВЕДЕНІЯ

ПРЯШОВСКАГО.

EX LIBRIS
FR. BASIL SHEREGHY

ВЪ ВЪДНИ

ТИПОМЪ ОО. МЕХИТАРИСТОВЪ.

Стихи слагать не такъ легко ,
Какъ многимъ мнится.

Сумароковъ Еп. 2.

В. БАСИЛЪ

В. БАСИЛЪ ШЕРЕНГУ

ПОЗДРАВЛЕНІЕ.

Съ нову поздравляю васъ
Новымъ годомъ въ добрый часъ,
Молясь о щастливыхъ дней
Для васъ любезныхъ дѣтей
Вседержителю Богу!

Съ нову минулъ одинъ рокъ,
Претекъ якъ быстрый потокъ,
Якъ въ морску глубину валь
Изчезъ, якъ блескъ такъ пропаль,
Не вернется никогда.

Погасъ якъ громовый свѣтъ,
Якъ тѣнь, якъ румяный цвѣтъ
Избыль въ безконечности,
И въ глубокой вѣчности
Ненавратно затонуль. —

И мы живемъ! — переходъ
 Начинаемъ въ новый годъ,
 Въ славѣ предводителя,
 Силна Вседержителя,
 Въ чувствахъ лестной надежды.

Снуемъ страшный разговоръ
 О минувшихъ; — сладкій взоръ
 Вперавше на судьбину
 Будущности; — глубину
 Надежды внимающе.

Въ надеждѣ, якъ сладкомъ снѣ
 Несемся по воздуху,
 Надъ сивыми скалами,
 Съ летящими орлами
 Сладку жизнь разливаемъ;

Въ надеждѣ по всѣхъ лугахъ
 Бродимъ, по пестрыхъ цвѣтахъ,
 Якъ сладкій джаворонокъ,
 Якъ свѣтлячій мотыльокъ
 Весело лѣтающе.

Въ надеждѣ безъ всѣхъ опоръ
Идемъ въ середину горъ,
Идемъ во чрево скалы,
Где богаты опалы
Избытно собираемъ.

Въ надеждѣ мы часами,
Самыми небесами
Довольно управляемъ,
И богато собираемъ
Незмѣрны сокровища.

Въ надеждѣ поставаемъ
Отъ сна, и вырастаемъ
Въ толпы, — престоль утвердимъ,
Силу вражу истребимъ,
Защитимъ Царя млада.

Въ сладкой надеждѣ весь вѣкъ
Провождаетъ человекъ,
Должайшія времена
Суть надежды бремена;
Время супругъ надежды:

Время течетъ якъ вода,
 Не вернется никогда,
 Едно минетъ, и сей часъ
 Станетъ другое доразъ,
 Непрерывно мѣнится;

И мы съ времени идемъ,
 Тутъ ставаемъ, тутъ падемъ,
 Стоящи подкрѣпимся,
 Падшии подвигнемся,
 Чтобъ съ нову ся не поткнуть.

Время и надежда врачъ,
 Утоляетъ тужбу, плачь;
 Часъ съ надеждой поможетъ,
 Где посредно не можетъ
 Разумъ и опытъ лѣчить.

Якъ сивыми скалами
 Соколь легко крылами
 По подъ небеса летить,
 А надежда му сидить
 Неопасно на крылахъ;

Якъ богатъ товарамн
 Корабль плавлетъ морями,
 Драгоцѣнности несетъ,
 Слѣпу надежду везетъ
 Скупостию одѣту: —

Такъ смертный несносными
 Везенъ желаніями
 Парить, бѣжить, плаваетъ,
 И сильно ся сражаетъ
 Съ пустою надеждою;

Съ надеждою ся родить,
 Съ надеждою проводить
 Скучную жизнь челоуѣкъ,
 Въ надеждѣ весь краткій вѣкъ
 Совершаетъ уныло.

Такъ самая надежда
 Есть време не сего мзда,
 А время во вѣчности
 Безной безконечности
 Пропадаетъ яко тѣнь.

Но однакожь хоть она
 Часто будетъ лукава,
 Ю держи, ю все внимай,
 Нею духъ твой занимай,
 Страсти сердца ей вручи;

Хотяй тяжесть, люта скорбь
 Приведеть тя ажь во гробъ,
 Отчаянiя презри,
 Лишь на небеса позри,
 Тамъ помощь отъ надежды!

А. Д.

О Р Е Л Ъ.

Летить Орель быстро
 По воздушномъ поли,
 Разганяетъ воздухъ
 Крылами по воли;
 Путь ему широкій
 По подъ всѣ небеса,
 Ему отступляютъ
 Подхмарны чудеса;
 Его солнце прійметъ,
 Его заря злата,
 Все сивое небо
 Есть его полата;
 На крыла опертый
 Воздухъ пробивае,
 По лазурныхъ волнахъ
 Весело гуляе.
 Где 'то крыла несутъ,
 Онъ по всюду волень,
 Все ему пріемно,

Онъ собой доволенъ ;
 Выше облакъ возникъ ,
 Съ вѣтромъ ся сражае ,
 На страшный блескъ , на громъ
 Ничь не уважае :
 Бо мѣдяны крыла ,
 И желѣзны груди
 Громовымъ ударамъ
 Суть даремны труды ;
 Гнусило глумляся ,
 Всадится по малу
 На высокій Карпатъ ,
 На ужасну скалу ;
 Подсмотривъ горами ,
 И полемъ опасно ,
 Чтобъ дати бѣдному
 Помощи напрасно ;
 Очами на западъ
 Внуренными сидить ;
 На сѣверъ , и востокъ ,
 И полудне видить .
 Съ высоты , якъ славна
 Престола царскаго
 На глубину смотреть ,
 На тужбу бѣднаго ;

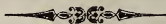
Не есть утаенна
 Предъ нимъ безчесть, злоба;
 Его умягчаетъ
 Невинныхъ жалоба;
 Бо самъ посѣщаетъ
 Горы, и долины.
 Онъ прійде на поля,
 Потоки, ровнины,
 Ему спары въ скалахъ,
 Озера, и рѣки
 Обитателищемъ
 Бываютъ во вѣки;
 И на всякомъ мѣстѣ
 Есть его держава;
 Онъ пернатыхъ Отецъ,
 Царь, сила, и слава;
 Царство му пространно
 По горахъ, долинахъ,
 По зеленыхъ лугахъ,
 И по развалинахъ;
 Престоль его твердый
 Осѣняетъ хвала,
 Бо 'го подкрѣпляетъ
 Карпатская скала; —
 Карпатскіи скалы,

Бескидовы горы
 Суть его подпоры,
 И царскіи дворы;
 На вершинѣ оныхъ
 Спочинетъ высоко,
 Жолто-чорны крыла
 Распростреть широко,
 По надъ темный сѣверъ,
 По надъ всѣ дубравы,
 Где его витають
 Честны дѣти Славы; —
 Одно крыло Дунай,
 Молдава, Морава,
 Чистою водою
 Омываетъ Сава;
 Другое чрезъ Днѣстеръ
 Востокъ занимае,
 На Тисиныхъ жерлахъ
 Ся докончивае;
 Владѣнія его
 Окрутна ширина,
 Безмѣрна глубокость,
 Долга величина.
 Пера его тверды,
 Могущія спасти

Бѣднаго отъ жара,
 Отъ лютой напасти;
 Подъ крылами его
 Тишина ся снуеть,
 Везопасный покой
 Весело празднуеть;
 Тамъ зима не встигне,
 Ни жаркіи лучи,
 Подъ той сѣнь не всунуть:
 Громъ, буря, и тучи.
 Присутствіемъ его
 Мятежь отдалится,
 Отдохнетъ невинность,
 Бунтъ упокоится.
 Такъ Карпаты съ Бескидомъ
 Будеть развивати,
 Задушенны цвѣты
 Назадъ отдавати.
 Подъ защищеніемъ
 Орла двоглавнога
 Достигнетъ довольно
 До плода славнаго;
 Возрастетъ силами,
 Жаркимъ духомъ, — нѣжнымъ
 Чувствомъ распалится,

Народу прилѣжнымъ,
 И не устрашится
 Иноплеменника,
 Лестнаго власности
 Своей заемника.
 Уже занѣмѣтъ
 Бунтъ, засмѣется страхъ,
 Мечи затупленны
 Покоятся въ ножнахъ:
 Бо всеславный Орелъ
 Сугубы главамъ
 Защититъ весь Бескидъ
 Крѣпкими силами.

А. Д.

МЫСЛЬ О БОЗѢ.

Воспой хвалу всевышнему
 Душею, сердцемъ, умомъ;
 Бѣдный смертный воспой Ему
 Нѣжнымъ внутреннимъ чувствомъ,
 Воспой гласомъ умиленнымъ,
 Распалися, славу дай,
 И духомъ, сердцемъ смиреннымъ
 Силу Его повѣдай!
 Познай силу всевышняго,
 Узнай твою нищету,
 Помни злость, слабость земнаго,
 И виждь Богу доброту;
 На небеса воскрыляйся,
 И съ трепетомъ тамъ пари,
 Славѣ Божой удивляйся,
 Твое ничтожество зри; —
 Помни Бога Высочество,
 Съ собою самъ ся стяжи,

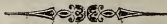
Узнай твое смиреніе ,
И покорно такъ скажи :

Богъ пресвятой , а я грѣшный ;
Ему заря , блескъ , свѣтлость
Подобаетъ , но я мрачный ,
Моя участь есть бѣдность ;
Богъ самъ въ себѣ безконечный ,
Я родился , и умру ;
Онъ самъ безъ порока , вѣчный ,
Я причастенъ всему злу ;
Богъ неба , земли создатель ,
Я створѣня бѣдное ,
Онъ есть всего добра датель ,
Я не маю что свое ; —
Бо душа , и тѣло мое
Есть мнѣ заимоданно ,
Все состояніе мое
Его власти поддано ;
Богу вся повинуются ,
Небо , цѣла природа ;
А мнѣ что ино явится ?
Якъ жаль , болѣзнь , и тужба ;
Богъ владѣеть облаками ,

Я блеска утрашуся,
 Богъ шлетъ тучу, вѣтръ съ дождями,
 А я бѣдно нищуся;
 Я слабый червь, ты всесиленъ,
 Я пепель, глина и прахъ,
 Ты Боже самъ всемъ обиленъ,
 Миѣ позрѣти на тя страхъ;
 Ты духъ духовъ, и Богъ боговъ,
 А я ничь предъ тобою,
 Ты живой во вѣки вѣковъ,
 Ты владѣешь всѣмъ мною; —
 Якъ горкій дымъ по воздухѣхъ
 Уничтоженъ бываетъ,
 Якъ громный огонь на облацѣхъ
 Окозрѣнно счезаетъ:
 Такъ мой животъ мимондетъ,
 Днесъ веселый, завтра мертвъ,
 Вижу, ежедневно падетъ
 Колько живыхъ, только жертвъ.
 Знаю ли я бѣдный, грѣшный,
 Котрый ми послѣдній часъ,
 Знаю ли когда мя вышній
 Покличетъ господень гласъ?
 О еще днесъ торжественно
 Веселюся здравъ и милъ,

Завтра можно безчувственно
 Изтлѣваю уже гниль! —
 Еще рано процвѣтаю
 Якъ косица въ долинахъ,
 А вечеромъ иссыхаю,
 Что остану? тлѣнь и прахъ.
 Но ты безъ начала вѣчный
 Былъ еси, и все будешь,
 Ты не рождень, безконечный
 Во вѣки не избудешь; —
 Чтоже я бѣдный, и страстень
 Предъ тобою? — нищъ, убогъ,
 Я и самъ собой не властень,
 Ты мнѣ сила, Ты мнѣ Богъ!
 О Боже мой Створителю,
 Ты одинъ владѣй мною,
 Помилуй мя Владѣтелю,
 Бо я ничь предъ Тобою!

А. Д.

СИРОТА ВЪ ЗАТОЧЕНИИ.

Солнце уже за горою
 Зайшло, погасъ дневный свѣтъ,
 Я въ глубокой мысли внурень
 Помню моихъ прежнихъ лѣтъ!
 Вспоминая дѣтство мое,
 Пришоль въ память древній часъ,
 Сладки игры, и забавки,
 Звенить въ ухахъ мамчинъ гласъ;
 Мамчинъ гласъ! о страстная мысль,
 Сладкое слово: мати!
 Проницаеть внутренну жизнь
 Мысль полна благодати; —
 Мати! любви сильная страсть, —
 Сію природа даетъ,
 Бо тымъ гласомъ бѣдный смертный
 Первую жизнь витаетъ;
 Сей первый и жалостный гласъ
 Съ плачемъ былъ и мнѣ: мама!
 Она лишь одна мнѣ была
 Любовью почитана;
 Сладка сосца мнѣ жизнь дала,

Сытнымъ млекою кормила,
 Чувство любви возбуждающъ
 И добрый духъ крѣпила; —
 Такъ я питанъ, бо колыбель
 Была ей мягко лоно,
 О якъ пріятнымъ отдыхомъ
 Всегда здалося оно.
 Въ томъ я успокоевался весь,
 Возрасталъ и духъ горящъ,
 Ей притуль во объятіяхъ
 Утолилъ дѣтинскій плачь.
 Словомъ: дорога матушка
 Была мнѣ лѣчнымъ цвѣтомъ,
 Ей жаркое лобзаніе
 Владѣло моимъ свѣтомъ. —
 Но горе! о неудобна
 Участь такъ ми судила,
 Завистна судьба отъ сладкой
 Мамки мя отлучила;
 Случай ужасный исхитилъ,
 Вырвалъ отъ персій вѣрныхъ,
 Немилосердно исключилъ
 Отъ объятій матернихъ; —
 Отключилъ, и отграничилъ,
 Чтобъ ся съ нею не знати,

Чтобъ ей прелюбезный образъ
 Никогда не видати;
 Отлучиль, и во чужину
 Въ заточеніе отвлекъ,
 Чуждымъ духомъ и образомъ,
 И страннымъ платьемъ облекъ!
 Теперь мы ужь отдалены,
 Я мамку, она мене
 Не познаеть; и се дѣло
 Должайшаго време;не;
 О мы природной радости
 Взаимно не чувствуемъ,
 Пріятныхъ взоровъ лишены
 Общу любовь не чумъ; —
 Насъ пространство отдѣляетъ,
 Береги несровнимы,
 Насъ глубоки рѣки, бездны,
 Моря непроходимы;
 Мы не слышимъ взаимный плачь,
 Тяжкій вздохъ, и трудный жаль,
 Едностранна наша тужба,
 Но несогласна печаль!
 Я чувствую болѣзнь твою,
 Знаю что тяжкій жаль твой,
 Непокрыты твои слезы

Двигнуть и мой непокой ;
 Хотя бы ты въ свойственности
 Довольно пребываешь ,
 Однакожь родное дѣтя
 Со всѣмъ не забываешь ;
 Хотя тебе увеселяють
 Славнородны дружины ,
 Но со всѣмъ тѣмъ оскорбляютъ
 Горестъ , и плачь дѣтины ; —
 Горестъ то есть несосима
 Исключеніе оно ,
 О не можно мнѣ забыть
 Сладко Мамушки лоно !
 Бо хоть куда повернуса ,
 Немедленно , и тотъ часъ
 Восторженъ аки въ сладкомъ снѣ
 Вижу только твой образъ ;
 Одну тебе весь желаю ,
 Тебе въ мысли и душѣ ,
 Тебе въ зеркалѣ чистыхъ водъ
 Вижу , и на воздушѣ .
 Въ благомъ дождѣ ображаю
 Источники твоихъ слезъ ,
 Въ сильныхъ вѣтрѣхъ понимаю
 Дыханіе твоихъ персъ ;

Въ сей часъ восторгъ густу печаль
 Слезы въ мигъ разливаю,
 Сердца язву болестный вредъ
 Разжегъ, смерти желаю.
 Часто въ шутномъ безуміи
 Себе не зная бѣжу
 Безъ цѣли, возмущень часто
 Якъ бездушный трупъ сижу,
 И стенья жалобнымъ гласомъ
 Въ тужбѣ тщетно странствую,
 Но и въ самой той жалобѣ
 Бѣдну радость чувствую;
 Бо въ смятеніе приведенъ
 Съ тобой разговоръ сную,
 Тебе крѣпко обнимающъ,
 Душей ти присутствую,
 И слезы страсти точатся
 Въ мигъ якъ тучи наремны;
 Но вся страсть есть неполезна,
 Мои труды даремны;
 Бо, о горе! между нами
 Есть велика широта,
 И хотяй мамушку маю,
 Однакожь я сирота!

№ 0

ВОСПОМИНОВАНИЕ.

Тысящъ годовъ: якъ ся стала
 Для Русиновъ ночь округна,
 Легла мати и не встала,
 Мертвожива лежить смутна:
 Странній народъ напаль на насъ,
 И заточилъ нашу Маму,
 Не внимающъ на страстный гласъ,
 Бросилъ насъ во темну яму;—
 Благородны дѣти Славы
 Избилъ, изгналъ въ темны горы,
 Изъ луговъ въ пусты дубравы,
 И оставилъ безъ опоры.
 Такъ племеникъ чужеселцемъ
 Отступилъ свой прекрасный край,
 Давъ поношенье пришелцемъ,
 На Бескидѣ устроилъ рай!
 Въ горахъ, скалахъ храмъ будоваль,
 Славй промысль Створителя,

Долгимъ временемъ бѣдоваль
 Чающе Избавителя;
 И се Господь далъ му духа,
 Слетѣлъ ему Ангелъ зъ неба,
 И Влада не была глуха,
 Дала что му было треба;
 Царь Францъ му той вредъ загонлъ,
 Избавилъ отъ ига сего,
 Оскорбленный той родъ спонлъ,
 Чтобы онъ былъ народъ Его.
 Ужь слава Богу свѣтаеть,
 Солнце и намъ загрѣваетъ,
 И Бескидъ жизнь осѣняетъ,
 Радостнымъ гласомъ спѣваетъ;
 Братя себе познаваютьъ,
 Что до теперъ ся не знали,
 Руки собѣ подаваютьъ,
 До родины ся признали.
 Теперъ хотъ ненависть грозить,
 Она ужъ насъ не утрашить,
 Бо сильный духъ не угрозить
 Никто, и не переважить.

Алекс. Павловичь.

NO

ПѢСНЬ РУССКО-НАРОДНА.

Такъ намъ Боже, якъ жизнь наша

Есть намъ Царь!

Ему русинъ сердце, и вся

Дастъ на даръ:

Про ньго жити, про ньго мерти

Мы знаемъ,

Бо лучшаго Отца якъ онъ

Не маемъ.

Престоль Царскій не разъ ужъ ся

Колыбалъ,

Но русинъ все кровь про него

Проливалъ;

И лить буде, зброемъ хранить

На вѣки,

Пока русинъ жити буде

Въ Бескидѣ.

Споимъ руки, стиснимъ плеча

Я и ты,

Станемъ крѣпко при еднотѣ

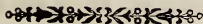
Австріи;

Свѣтъ да видитъ, что въ коронѣ
 Австрійской
 Свѣтитъ бѣсерь и вѣрности
 Русинской.

Но вже Братя Галичане
 Любмеса,
 Одинъ нашъ Царь, одинъ законъ,
 Споймеса;
 Мы всѣ Царя, а онъ же насъ
 Да хранить,
 Такъ постоитъ Престолю Его
 Якъ гранить.

Але Братя, приійме си
 За Царя,
 Смѣло; течеть слава нашей
 Ужь заря;
 Врагъ нашъ достъ пилъ за мятежу,
 Да згинеть;
 Русинъ піеть лишъ за Царя,
 Да живетъ!

Георгій Шолшисъ.

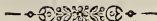

С В О Б О Д А.

Витай миленька свободо,
 Ты жизнь дающа ягодо,
 Зъ твоей преблагой уроды
 Удѣль про русски народы.
 Что еси? — Кто ся свѣдуетъ,
 Вѣторъ дасть отвѣтъ, коль дуетъ,
 И нѣма рыбка во водѣ,
 Плавающа по свободѣ. —
 Что значить жити въ свободѣ,
 Тамъ на голуцѣ при водѣ
 Птичка весела спѣваетъ; —
 Бо о неволѣ не знаетъ.
 Птиченьки поють лишъ въ лѣтки;
 Замолчатъ, якъ ихъ до клѣтки
 Посадятъ хлопцы сваволны, —
 Смутятся, бо суть неволны.
 Парка голубковъ на стрѣсѣ,
 А дивихъ тажъ пара въ лѣсѣ

Дзьобокъ до дзьобка подають,
 Вольности опытъ намъ дають;
 И той вольности уроды
 Досягли русски народы,
 Радостно руки си дадутъ,
 Ужь до неволѣ не впадуть.

Алекс. Павловичь.

РАДОСТЬ О СВОБОДѢ.

Якъ летитъ пчелка,
 Коль солнце свѣтаеть,
 Сладость по лукахъ
 И лѣсахъ зберати,
 Летяще цвѣтки,
 Пахнячки витаеть,
 Которы дала
 Ей природа мати:

Такъ я въ Бескидѣ
 Якъ въ улію сидѣлъ,
 Въ ночной темности
 Ничего не видѣлъ;
 Ажъ теперь наразъ
 Прерадостна заря
 Въ лицѣ младаго
 Свѣтаеть ми Царя.

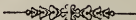
Я въ блесной зарѣ
 Лечу на долины,
 Где пребываютъ
 Русиновъ родины;
 Бо ужь ихъ враги
 И злобы не смутятъ,
 Радость спѣваютьъ,
 Жалостно не нутятъ.

Ой повеселься
 Свободный Русине,
 Ужь твоихъ враговъ
 Злобна сила гине:
 Франць Іосифъ даетъ
 Каждому народу,
 Ставай и витай
 Святую Свободу!

Якъ равноправность
 Народамъ свѣтаеть,
 Ужь доразъ Бескидъ
 Европа познаеть;
 Бо дѣтемъ его
 Отверяется рай,
 Ставай Русине,
 Плесай, спѣвай, играй!

Споеннымъ сердцемъ
Едногласно нынѣ
Всѣ до народной
Спѣшайме святынѣ,
Изъ сердець цвѣтовъ
Уплетемъ вѣночки
Народной Мамѣ
Блаженны дѣточки.

Алекс. Павловичь.

№ 1

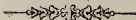
УБѢГША СВОБОДА.

Безъ друга и безъ милой
 Самъ брожу по лугахъ,
 Сердцемъ, душой унылой
 Одинъ по берегахъ;
 Вперъ очи на поточки,
 Слезми ся смачаю,
 Но сердечныи точки
 Тѣмъ не облегчаю.

Зрываю хоть цвѣточокъ,
 Но въ мысли говорю,
 Кому сплету вѣночекъ,
 Кого нимъ подарю?
 И тогда въ мигъ познаю,
 Что всегда жалѣю,
 Что самотный въздыхаю,
 Друга не имѣю.

О ужь я теперь вижу,
 Что безъ милой утѣхъ,
 И покой не нахожу,
 Все ми мерзость, все грѣхъ,
 Горко стенья рыдаю;
 Скорблю на самотность,
 И сей часъ проклинаю
 Убѣгшу свободу.

А. Д.

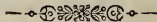
С В О Б О Д А.

Любо граеть, быстро терчить
 Птичка въ румной зорицѣ,
 Изъ вѣтки на вѣтку летить
 По зеленой дебрицѣ;
 Рябы луги
 И береги
 Ей служить, ю веселятъ.

Но нещастна, непозорна
 Коль другочка глядаеть,
 Бѣдна птичка, непокойна
 Въ мрежу ловца впадаетъ;
 Птичка скучить,
 Ловець плещить,
 Она плаче, онъ скаче.

Такъ я слезы проливаю ,
 Убѣгшую свободу
 Обрыдая, все страдаю
 Мою участь молоду.
 Но ужь поздно,
 О то грозно,
 Во вѣки плѣненну быть !

А. Д.

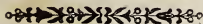
НЕЗАБУДКА.

Ой пойду я по долинахъ,
По зеленыхъ развалинахъ,
Пойду где птички пѣютъ,
Где пестры цвѣты цвѣнутъ;
Снайду я тамъ цвѣтокъ драгій,
Что ми наганеть вѣкъ благій.
О цвѣточокъ дорогій,
Онъ ми спомнетъ вѣкъ благій;
Мой цвѣточокъ не румяный,
Не златоглавъ, не жолтявый;
Мой цвѣточокъ маленькій,
Не пестрый, не бѣленькій;
Мой цвѣточокъ вида того,
Якъ очко мого милого,
Онъ якъ небо сивенькій,
Прелюбезно миленькій,
Онъ не растетъ во городахъ,
Во полатахъ, нѣжныхъ садахъ;

Но цвѣнетъ подъ бережкомъ,
 За черчащимъ поточкомъ;
 Не маеть пахъ благовѣнный,
 Бо онъ есть якъ я невинный;
 Онъ не вонить, не тронетъ,
 Лишь весело все цвѣнетъ;
 Той цвѣточокъ одинъ видѣлъ,
 Коли мя милый увидѣлъ;
 Коли мене полюбилъ,
 Цвѣтокъ сей свѣдѣтель былъ,
 Сей цвѣточокъ одинъ слышалъ,
 Что ми мой миленькій шепталъ.
 Коли ми давалъ ручку,
 При зеленомъ поточку;
 О ты цвѣтку добрѣ знаешь,
 Бо то еще памятаешь,
 Якъ онъ тебе изсорвалъ,
 И мнѣ во подарокъ далъ,
 И говорилъ: ты миленька,
 Сердце мое, ты драженька,
 Молю тя моя буди,
 И мене не забуди; —
 Якъ ми сіе слово сказалъ,
 Въ лице, и ротъ мя полюбзалъ,
 Сивы очка заслезилъ,

И такъ далѣй говорилъ:
 Если ты моя не будешь,
 Альбо мя въ сердцѣ забудешь,
 Такъ исчезнетъ и мой цвѣтъ,
 Унылый будетъ мнѣ свѣтъ.
 И сказалъ ми: да сей цвѣтокъ,
 Будетъ достовѣрный свѣдокъ,
 Что мы собѣ вѣщали,
 И любовь обѣщали;
 И про то онъ Незабудка
 Наречется ажъ до вѣка,
 Мы его не забудемъ,
 Пока едно не будемъ.

Д.

СѢТОВАНИЕ

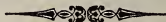
П а в л а А н ъ о ш а .

Смутно свѣтлый мѣсяць,
 Темными зарями
 Тихо черчащими
 Граешь поточками:
 Самъ ты одинъ бдѣешь
 Съ много несчастными,
 Ихже сердце кроитъ,
 И важдетъ тужбами;
 Ты слышишь смутокъ ихъ,
 Какъ нѣмо вздыхаютъ,
 Коли вся живная
 Сладко спочиваютъ;
 О сіи тихимъ сномъ
 Не увеселяютъ
 Свой жаль; бо серденькомъ
 Стеняще страдаютъ. —
 Се смутна могила
 Темными гробами,

Тихій вѣтрикъ дуеть
 По надъ ей крестами;
 Ачей она такихъ
 Владѣеть костями,
 Что якъ я горкими
 Тужили журбами?
 Вижу якъ ужасно
 Изъ гроба ставаетъ
 Тѣнь одна бѣленька,
 Мертвыхъ оставляетъ.
 Не сѣхъ ли отъ числа
 И она бываетъ,
 Коихъ сердце стонеть,
 Якъ мое страдаетъ?
 О коль бы ту дойшла,
 Я бы не страшался
 Смутнаго вида ей,
 Болше надѣялся,
 Якъ живущихъ лестей
 Всегда страшаяся,
 И хотяй невиный,
 Горко скитаяся. —
 Но она убѣгла! — — —
 И она втѣкаетъ,
 Видше что все слезю,

Мене убѣгаетъ ;
 О таже ужь мой вопль
 Ничь не послушаетъ ;
 Бѣдно страждущему
 Ничь не помагаеть? —
 Ты вѣчна годино ,
 Где есть сила твоя ?
 Зови мене молю
 До твоего покоя :
 Раздри страстно сердце ,
 Смѣло перси края ,
 Разрѣши на вѣки
 Бѣдны кости моя !
 Ачей нѣкто придетъ
 Припадно на гробъ той ,
 Незабудку всадить
 На вѣный сей одръ мой ;
 Вздохнеть и заплачетъ :
 Се тутъ лежитъ другъ мой ,
 Подай ему Боже ,
 Подай вѣчный покой !

А. Д.

О ПРИДВОРНОЙ ЖИЗНИ.

Въ нѣжныхъ дворахъ я долго жилъ,
 Горкую сладость вкусилъ,
 Властемъ все подданный служилъ,
 Злое добро искусилъ;
 Много разъ высоко сидѣлъ,
 Много разъ былъ потупленъ,
 Много дурныхъ — мудрыхъ видѣлъ,
 И самъ былъ часто плѣненъ;
 Не желалъ я, что на свѣтѣ
 Только достати власти,
 Трудился во всемъ животѣ
 Ради славы и сласти;
 О коль много ночей не спалъ,
 Непремѣнно трудился,
 Въ искушеніе часто впалъ,
 Но инымъ не журился;
 Токмо милость Владѣтеля
 Получить и любовь,

Только пышна Властителя
 Прелестити съ нову въ новъ ;
 Я веселымъ показался ,
 Хотяй дуже смутный былъ ,
 Я покорно сизовался ,
 Хоть бодрый духъ мя будиль ;
 Воля Господина моего
 Была воля и моя ,
 Я острожно внималъ того ,
 Не чувствовалъ покоя ;
 Коль Господинъ мой смутился ,
 Тогда я ся зармутилъ ,
 Коль онъ плясалъ , веселился ,
 Я съ нимъ ся все веселилъ ;
 Коль уныло болѣзновалъ ,
 Я ему страстно съжалѣлъ ,
 И хотяй боль не чувствовалъ ,
 Тучею горко слезилъ ;
 Когда онъ брашно показалъ ,
 Я тогда голоденъ былъ ;
 Словомъ : что онъ мнѣ показалъ ,
 Я на тое повторилъ .
 Если онъ малый мракъ видѣлъ ,
 Я громку бурю сказалъ ,
 Коли онъ дождокъ увидѣлъ ,

Я ему громы призналъ ;
 Словомъ: я всегда ему жилъ,
 Ему спалъ, ставалъ, и ѣлъ,
 Ему тѣломъ, духомъ служилъ,
 Но я его не любилъ!
 Бо то есть ставъ придворнаго,
 Что бы онъ и свой не былъ,
 Чтобы его покорнаго
 Властитель видѣлъ, любилъ ;
 Такъ якъ мотылъ легкомыслый
 По цвѣточкахъ лѣтаетъ,
 Но онъ для себе промыслый,
 Лишь сладкій сокъ срываетъ ;
 Такъ прелестна пчела въ поли
 Цвѣточкамъ ся кланяетъ,
 Но всегда по своей воли
 Медъ отъ всѣхъ выисаетъ ;
 Выссавше же сокъ отъ него,
 Цвѣточка оставляетъ,
 Когда же усхнетъ, на него
 Больше и не внимаетъ ;
 Такъ я Верхняго почиталъ,
 Не| чтобъ ему послужилъ,
 Но о томъ лестно мудровалъ,
 Чтобъ собѣ полезный былъ.

О придворный! властямъ преданъ,
 Онымъ всегда служить
 Есть повинень, горкимъ сластемъ
 И мамманъ жертвити,
 Своей онъ не чуетъ воли,
 Зависть и страхъ со всеѣхъ странъ,
 Онъ отрекся своей доли,
 Лестникамъ есть весь преданъ;
 Онъ въ тыхъ мѣстахъ пребываетъ,
 Где бы и самъ не хотѣлъ,
 Кратку потѣху познаеть,
 Но сторазь ю претерпѣлъ;
 Что въ сердци, души чувствуетъ,
 То не смѣеть сказати,
 Слѣпый, нѣмый, и не чуетъ,
 Самъ ся не може знати;
 Любимцямъ послѣдовати
 Долженъ, хоть ихъ не любить,
 Себе низко поддавати
 Знаеть; — самъ себе губить;
 Многоразъ и любимому
 Мальчику ся кланяти,
 Дары приносити ему,
 Повинень ся вручати;
 Бо то мальчикъ любый слуга

Много можетъ шептати,
 Коли лестно Господина
 Ведеть на покой спати;
 Часто псичка господняго
 Повинень есть гласкати,
 И якъ бы представленнаго
 Долженъ лестно ласкати;
 Неправедность похваляти,
 И врага полюбзати,
 Господень дворъ похвалити,
 Пріятеля не мати;
 О вѣрности говорити,
 Хотя ю не познаеть,
 Чудная дѣла творити
 Долженъ, хоть ничь не знаетъ.
 И про сію тяжку службу
 Яка ему заплата? —
 Про всю старость, про всю тужбу
 Есть надежда богата!

А. Д.

№ 0

СПИШАКЪ И ЕХО.

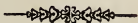
По берегахъ, сивыхъ скалахъ
 Ходилъ я раненько,
 Соненько ужъ выходило
 Надъ горой красненько;
 Закликаль я? где ты Ехо?
 Въ якомъ живешь краю?
 — — Раю!

Кедь ты въ раю пребываешь,
 Такъ и я рая часть,
 Скажи менѣ, якъ гадаешь?
 Яка моя участь?
 Ци мя ждаеть еще слава,
 И радость безсмертна? —
 — — Смертна!

О што брѣшешъ ? участь смертна,
 Та где моя радость ?
 Въ жизни мнѣ суть вся суетна,
 Тай по смерти жалость ?
 Ачей Ехо зводишь мене,
 Ты гваришь неправду ? —
 — — Правду!

О жестокий пророкъ Ехо,
 Ты гремишь жалостно,
 Скажи: якій мой конецъ ? — бо
 Иго мнѣ несносно!
 Яка судьба ждаеть мене?
 Бо горю якъ пламѣнь!
 — — Аминь!

Вислоцкій.

Ж А Б А.

(По Лаборскому выражению.)

Што тамъ квичить,
 А што гучить,
 Якій дѣдко наперать?
 Ци то рано, ци то сночи,
 Ци въ полудне, ци въ полночи
 Скарѣдно ся раздерать?

Чей сорока
 Бѣлобока?
 Чей ворона ся давить?
 Скреже зубами: кра, кра, кра,
 Дусится грудьми: ква, ква, ква,
 Ачей дѣдко ся бавить?

То мереке,
 То береке,
 Коа, третре, тритри, тавъ;
 Гучить ги сова: гу, гу, гу,
 Скучить ги тутокъ: ту, ту, ту,
 Бреше ги песь: гавъ, гавъ, гавъ.

То не птица,
 Бо галица
 Не на деревѣ черчитьъ,
 Ай по млацѣ чеперится,
 И у воду занурится,
 По болотѣ верещить.

Теперь знаю,
 Понимаю,
 Што за бѣда такъ бреше:
 То страната, короната
 Жаба рыба; ой проклята
 У болотицу креше.

О ждай рыба,
 Брыда жаба,
 Дѣдко бы ты бравъ, и чортъ!
 Придутъ Нѣмцы, рукавицы
 Стягнутъ ти и ногавицы,
 Замокне твой громкій ротъ.

А. Д.

№ 0

Привѣтствователныи стихи
Его Величешву

Всемиловивѣйшему Царю

ФРАНЦЪ ІОСИФУ ПЕРВОМУ

на день Славнаго Рождества отъ Ру-
синовъ Вышняго Спижа на крылахъ
Орла Татранскаго принесенный

дня $\frac{6}{18}$ сериня 1850 года .

Русины, ликуйте брата

Въ русскихъ всѣхъ странахъ,

Возиграйте дивно

На Татранскихъ днесь горахъ;

Крини процвѣтають,

Золота жатва наста,

Вѣрныи всѣ воспѣвають

Царя Рождества

Ожиданныи день!

Ужь и солнце надъ Татрами

Лучи съелеть златы,

Кесарю оно спѣшится

Хвалу честь воздати;

Орле мой Татранскій,
 Ты до солнца знай лѣтати,
 Вознесися днесъ превыше
 Звѣздъ, Царя витати
 Русскими Пеаны.

Съ ондѣ ты увидишь,
 Яко щедро Двоглавный
 Крылми защищаетъ
 Народы и Вѣдень славный;
 Крѣпко тамъ лети,
 И поклонися Ему,
 Разкажи, отъ Спиза
 Что приходишь къ Нему
 Съ русскими подары.

Попрадъ крылми удари,
 Ажъ зашумится зѣло,
 Да покажетъ онъ Дунайку,
 А съ нимъ Вислѣ диво,
 Какъ народъ играетъ
 Русскаго владычества,
 Яко въ Спизу славится
 Великъ День Рождества
 Его Величества!

Якъ ликують: Сулиняне,
 Кремпахъ, Орябинцы,
 Камюнчане, въ Стоторгу,
 Не менѣй Литмановцы,
 Остурняне, Липничане,
 Съ ними Якубянцы,
 Выше четырнадцать тысящъ
 Вѣрныи потомцы
 Русскаго всѣ рода.

Не смутися, якъ увидишь
 Въ Царевой Полатѣ
 Всѣхъ велможъ Царю своему
 Вѣрно ся кланяти:
 Же ты бѣдный, молодой,
 Въ крылцахъ еще не вправный,
 А дерзнулъ войти, чтобъ
 Повитати день преславный
 Рождества Царя!

Тамъ узришь князей и много
 Храбрыхъ воеводовъ,
 Якъ складають дары,
 Тамъ высланцы всѣхъ народовъ,

Тамъ музыки и вся лики,
 Дамы и герои,
 Тамъ выборы, тамъ приборы,
 Тамъ народовъ рон
 Величаютъ Кесаря.

Ты смиренно пристуни
 Ко Кесарю Младенцу,
 Расскажи отъ коихъ странъ
 Еси посланъ, Миленцу
 Велію Царю стицай
 Подати пѣснь народну:
 Что бы Онъ пожилъ
 Предолго, и слободну
 Усчастиль Державу!

Здѣ открый сокровища,
 Отдай Царевни дары,
 Имиже ты освятиша
 Русскій Родъ и Лары:
 Вѣчну въ сердцѣ вѣру
 И любовь неколебиму,
 Упроси пріяти
 Жертву единолюбиму
 Отъ Татранскаго краю.

Покудъ ты во Вѣднн будешь,
 Мы войдемъ во храмы,
 Приустроиме престоль,
 Предъ царскими вратами
 Чашу къ высотѣ
 Воздвигнемъ, и за Отца
 Русскаго Народа,
 Доли Русиновъ Творца
 Мольбы Господу внесемъ.

А якъ прилетишь воспяты
 На Татерь быстры скалы,
 Возвѣстишь намъ, якъ отдалъ есь
 Даръ усердной хвалы,
 Воскликнемъ тогда съ тобою
 Витязю Царю,
 Громкимъ гласомъ вопѣюще
 Въ русскомъ всемъ краю:
 „Да живетъ намъ
 ФРАНЦЪ ЮСИФЪ!”

ОТВѢТЪ ОРЛУ ТАТРАНСКОМУ

(зъ 6/18 Серпя.)

Татрогорній Орле, про что
 Днесь толь солодко спѣвашь?
 Любопытно къ горамъ, холмамъ
 Австріяцкимъ приникашь?!
 Кесаря съ нами чтишь,
 Или намъ завидишь:
 Коль весело почитаемъ
 Свѣтоносне торжество,
 Сладкопѣвно ублажаемъ
 Кесарево Рождество?!
 Нѣтъ: — но й крылна природа
 Кричить словомъ народа:
 Ликуемый! въ струны вдарь,
 „Нехай живетъ долго“ гварь
 Отець, Мати и Кесарь!

Правда Орле, днесь Франць Іосифъ
 Двадесять лѣтъ совершилъ,
 Даровавшій намъ народность,
 Котру дѣдъ, прадѣдъ просилъ.
 Русине! втри очи,
 Орлику! возкличи:
 Спѣть покойно друзья, братья,
 Пра и дѣдику старый,
 Что бо щиро вы желали,
 Даль намъ Отець молодой!
 Спочивайте покойно,
 Мы возкликнемъ голосно:
 Ликуемый! въ струны вдарь,
 „Нехай живетъ долго“ гварь
 Отець, Мати и Кесарь!

Ци такъ Орле, же Франць Кароль
 Истымъ словомъ государь,
 Егда зъ него производить
 Младѣдивный нашъ Кесарь?
 А Мати Высока
 Крѣпкаго Отрока
 Цили не есть правымъ словомъ
 Люба наша Цариця,

Егда ея главу вѣнчать

Вѣнценосна косиця?!!

Пѣй орлику радостно,

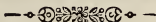
Мы возкликнемъ голосно:

Ликуемый! въ струны вдарь,

„Нехай живетъ долго“ гварь

Отець, Мати и Кесарь!

Николай Нодь.

№ 10
ТРЕТІЙ МАЯ 1850.

Два годы тому, якъ воскресъ,
 Всей нашей Руси въ избавленьѣ,
 День Третій Мая: онъ принесъ
 Народное намъ воскресеньѣ!

Якбы Ангеловъ молитвами,
 Богъ милостивъ былъ такъ надъ нами,
 Когда же Свято Воскресенья
 Празднують въ небѣ, на земли,
 Въ тѣ дни торжествуемъ и мы
 Рочницу нашего рожденья!

Чѣ же сердце, грудь чія
 Веселиемъ не заиграетъ,
 Когда воскресша отчина
 Свободной жизнью днесъ сіяетъ?

Она забвенна, поругана,
 Врагами въ сонъ заколысана,
 Бездѣльно столь вѣковъ проспала;
 Пропалабъ въ тѣмѣ на вѣкѣ она,
 Естли бы милость ей Царя
 Во жизнь новую не возвала.

Внидимъ же, братья, въ Божій храмъ,
 Святити Третьяго День Мая;
 Лишь съ Богомъ нынѣ быти намъ,
 Егоже милость поминая.

Съ чувствомъ Его молимо ревнымъ,
 Съ благоговѣніемъ душевнымъ,
 Дабы ѣкъ досель даль намъ силу,
 Вспирати вѣрно Царскій тронъ,
 Всегда хранить нашъ законъ,
 Народну честь, и Русь намъ милу!

Б. А. Д.

EX LIBRIS
FR. BASIL SHEREGHY.

РУССКІЙ ДОБРОВОЛЬНИКЪ.

Къ отчизнѣ ревностью горя
За вѣру мерли и Царя.

Державицѣ.

I.

Подъ Бескидомъ — въ полонинѣ
Стоитъ хижа — а въ хижинѣ
Мати сына умоляетъ,
Словы, слезми сдерживаетъ:
Чтобы не шель на бой крутъ,
Гдѣ струями кровцю льютъ!

„Пусти нене мня на волю,
Погуляти въ широмъ полю;
Череду враговъ разбити,
Иль со славой вѣкъ скончити!
Днесь роковы бьютъ часы,
Врагъ погибнетъ или мы!“

— Да съ врагомъ какъ сыну битись,
Противъ тѣмъ его ставитись,
Коль онъ грянетъ стрѣлой грома!?
Лучше сыну остань дома
У матери у твоей,
Сноси нужду вмѣстѣ съ ней. —

„Мила жизнь менѣ съ тобою,
Хоть въ нуждѣ она и зною;
Но коль мы въ уединеньи
Объ своемъ журился мѣньи,
Нечаянно врагъ придетъ,
Хату, мѣнье раззореть!“

„Гляди нене! въ нашей Руси
Вражіе владѣють тусы,
Божьи храмы оскверняютъ,
Нищу братью обижаютъ;
Сколь безвинныхъ пало жертвъ,
Шагъ еще — и Русь трупъ — мертвъ!“

„Охъ! не будетъ здѣсь раздолья,
 Не придетъ къ намъ лучша доля,
 Пока биться о Карпаты
 Не престануть супостаты! —
 Пращай нене! — въ братній полкъ
 Мня зоветь отчизны долгъ!“

Пусто мати умоляетъ,
 Въ отчаяніи рыдаетъ;
 Онъ печаль свою прижавши,
 Стару стрѣльбу съ колка снявши,
 Сквозь яруги, сквозь выбою
 Пошумѣлъ на лютый бой.

III.

Подъ Бескидомъ — тучи бьются;
 Да не тучи — а борются
 Вражи толпы съ Словяками,
 Да со русскими сынами;
 Одни ряды упадутъ,
 Другіе съ земли растутъ. —

Да на югу выше Савы,
 Свѣтъ взбивается кровавый; —
 Иль то небо такъ багряно?
 Или жаромъ посѣяно? —
 Нѣтъ — то храбрый Сербъ, Хорватъ,
 Громятъ ряды супостать!

Откуда же бой жестокий
 Пламень въ край раздулъ широкій,
 Людей мирныхъ изгналъ зъ хаты?
 По чему ажъ о Карпаты,
 О скалистый, вышній сводъ
 Громовъ раздался грохоть?

Вотъ племя чужее, странно,
 Въ давны вѣки нечаянно
 Въ сѣн вторгнувши просторы,
 Разсѣваетъ днесь раздоры,
 Не помня на благодать,
 Юже не знаетъ воздать!

Отечеству измѣняя,
 Съ гордостей опровергая
 Доброту и милость царску,
 Возновляетъ быль варварску,
 Въ нюже страшно поглядѣть,
 Въ ней любви ни вѣры нѣтъ!

Бѣдны, бѣдны тѣ народы,
 Въ пепелищахъ вьси, города,
 Вой надъ Тисой, надъ Дунаемъ;
 Сжался Боже надъ тѣмъ краемъ,
 Гдѣ столь льется крови, слезъ,
 Гдѣ народа цвѣтъ исчезъ!

III.

Надъ Бескида вершинами —
 Враны летаютъ кружками;
 У подножья скалъ пѣсчанныхъ
 Много труповъ разбросанныхъ;
 Обоняя враны жиръ,
 Вѣрно слетѣлись на пиръ.

Въ труповъ передней громадѣ
 Кой — на кровавой площади —
 Лежить мертвецъ порубаный,
 Самопаль держа во длани,
 Какбы на часахъ воинъ?
 Ахъ то русской неньки сынъ!

Во тѣ поры сумъ былъ въ краю
 По обумъ брегамъ Дунаю,
 Мати Слава рыдать стала,
 Много сыновъ пострадала,
 Столь надежныхъ, юныхъ силъ
 Годъ одинъ ей поглотилъ!

Но межъ столько бѣдствіями —
 Ангель какъ подъ небесами,
 Возносится утѣшенъе:
 Что въ великомъ семъ сраженъи
 Побѣда и вышня честь
 Славянъ наслѣдемъ есть!

Свой бо родъ спасти желая,
 Жизнею пренебрегая,
 Храбро въ борбѣ отстояли,
 За царя за вѣру пали!

Столь жертвъ марно не идетъ,
 Днесь новый съ нихъ свѣтъ растеть!

Съ помежду всѣхъ опасностей,
 Равноправность народностей,
 Свобода имъ разцвѣтаетъ,
 Руси во славу сіяетъ,
 Какъ небесный солнца лучъ,
 Кой раздеръ ватагу тучь!

Б. А. Д.

ВРУЧАНІЕ.

Я Русинъ былъ, есмь, и буду,
 Я родился Русиномъ,
 Честный мой родъ не забуду,
 Останусь его сыномъ;
 Русинъ былъ мой отецъ, мати,
 Русская вся родина,
 Русины сестры, и братья
 И широка дружина;
 Великій мой родъ, и главный,
 Міру есть современній,
 Духомъ и силою славный,
 Всѣмъ народамъ пріемный.
 Я свѣтъ узрѣлъ подъ Бескидомъ,
 Первый воздухъ русскій ссаль,
 И кормился русскимъ хлѣбомъ,
 Русинъ мене колысаль.
 Коль первый разъ отворилъ ротъ,
 Русское слово прорекъ,

На азъ - буцѣ первый мой потъ
 Зъ молодого чела текъ.
 Русскимъ потомъ я питанъ былъ,
 Русскимъ ишолъ расходомъ
 Въ широкій свѣтъ; но не забылъ
 Съ своимъ знатися родомъ. —
 И теперь, кто питаетъ мя?
 Кто кормить, кто мя держить?
 Самое русское племя
 Мою годность содержитъ!
 Прото тобѣ, роде мой,
 Кленуся живымъ Богомъ,
 За печальный потъ и трудъ твой
 Повинуюся долгомъ. —
 И отдамъ ти колько могу,
 Прійми той щирый дарокъ,
 Прійми вотъ маленьку книгу,
 И сей писменный рядокъ;
 Прочее же не забуду,
 Сердца моего скруху
 Пожертвити; — я твой буду,
 Твоимъ другомъ и умру.

Духновичь.

ПАМЯТЬ ЩАВНИКА.

(1. Червня 1850.)

Презирая велелѣпный гражданскій звукъ, которымъ малодушнія сердца, и легкомысли образы такъ весело занимаются, отложивъ на сторону политическія хлопоты, умѣнилъ унылому сердцу и бѣднымъ чувствамъ покойную позволить прогулку, и прото удалился отъ крикливыхъ пышнаго града непокойствъ, оставивше презрѣму гражданску радость, пришолъ на село съ намѣреніемъ, чтобъ тяжкую грудь между невинными сельскими жителями упокоити, и святую природу въ своей простотѣ увидѣти, и нею занимательно увеселиться. — Я не далеко убѣгъ, и ледва двѣ статіи перешолъ, остановился въ *Щавнику* селѣ, при здравоносномъ жерелѣ кислыя воды, где для здорова искающихъ, а наипаче въ ломотной болѣзни терпящихъ

лѣпое поставленно есть купельное строе-
 ніе. Тутъ я остановился, тутъ далеко отъ
 покоя гублящихъ желаній, отъ вражійхъ
 стреленій, и отъ должностныхъ мученій
 слободенъ, одною тишиною и тихою са-
 мотностію ўвселялся, одинъ видъ по тем-
 но зеленающихся вершочкахъ, одинъ не-
 винный взоръ на шолковій долины, одинъ
 взглядъ на жалостно шумящій поточокъ,
 одное позрѣніе на весело играющія чере-
 ды, такъ и тихенькій звукъ чередныхъ ко-
 локолчиковъ, согласное маленькихъ птицъ
 пѣніе и гукъ ноцныхъ совъ, якоже и про-
 стонародное благихъ сожителей одѣяніе воз-
 торгнули мой духъ; я троненъ былъ вол-
 шебствомъ простыя Натуры, я летѣлъ къ
 расточенному предмету пламенныхъ моихъ
 желаній, я трепеталъ не знаю якимъ чув-
 ствомъ, и во изобиліи сердца громко вос-
 клицалъ: О славная природо! тебе я вели-
 чаю въ твоємъ велелѣпін, — какъ ты пре-
 красна! твоя чистая одежда, твой невин-
 ный уборъ изящнѣйшій, пріятнѣйшій есть,
 нежели всѣхъ художниковъ искуснѣйшія
 рукодѣланія, ты превышаешь острѣйшій

умъ, и человѣкъ только подражатель есть твоего великолѣпія, — о я тутъ со всѣмъ доволенъ, ты мой на земли небесный рай! —

Въ томъ чувствованіи невинными красотами обманутый, прошедь я нѣсколько шаговъ, и се прекрасный видъ: на окруженномъ холмику стояла деревяна трема башеньками украшенна Церковця болше природою, нежели расточительнымъ художествомъ устроена, тупою сокирою, простымъ топоромъ, но горливою любовію, чистаго благоговѣнія хитростію, и сердечною охотою созданна; — я посмотрѣвъ сіе созданіе, и тяжкій вздохъ мягкую поднималъ грудь, и самъ онъ вздохъ вырвалъ трясущееся слово: *О Господи!* набожна она мысль воздвигнула умъ мой выше небесъ, я хотѣлъ поняти храма сего Владыку, и возвалъ во рвенности духа: *О ты словомъ создавый вся, ты неба и земли сильный Строитель, ты повсюду сущій, безъ време не время водитель, ты свѣтъ свѣта основатель, Ты Богъ, солнечной лучи свѣтлѣйшій, въ непремѣнной славѣ жи-*

вый, въ сей худой деревяной почтенъ халупочцѣ! — и сіе худопростое строеніе возвратило умъ мой на святую Хрістіанства древность, въ семъ якъ въ зеркалѣ изображенъ былъ мнѣ святой вѣкъ богонатхновенныхъ Апостоловъ, коли въ халупкахъ, пещерахъ Господу жертвы тучносердечныя приносилися, распамятался съ слезами на деревяніи Церкви, и на златыи сердца. — Молчаніе, мракъ, и ужась царствовали во внутренности моеи, я тутъ понялъ красоты Природы, величество Бога, совершенство ума человѣческаго, и соединеніе всего, что есть изящнѣе во предѣлахъ міра; я помнулъ, что время, дщерь вѣчности, содержала тутъ Престолъ свой отъ юныхъ дней міра, и удержало нѣчто изъ слѣдовъ тысящелѣтнихъ; — и въ той глубокой мысли лечу на вершины нѣжности, и чувствую оживленіе всѣхъ жизненныхъ силъ. — Въ такой мысли посадился на холодный холмичокъ, и очутившися сей часъ примѣчаю, что я на Гробѣ сижу; разсмотрю округъ себе, и вижу — о страхъ! — множество гробовъ, вижу что на мѣстѣ

томъ зелеными вѣтвями окруженомъ есть смутная Могила! —

Таже я на гробѣ сижу, на праху, на безобразныхъ костяхъ человѣческихъ! и вздохнулъ: Се человекъ! — Онъ жилъ, якъ я, онъ думалъ, онъ тужилъ, онъ веселился, якъ и я, — а я теперь на его гробѣ прогуляюся! — Можно тутъ спочиваетъ отъ тяжести работъ утружденный, и заморенный селянинъ, — можно что мудрующаго Філософа многоцѣнная голова тутъ выпорожнила свой почитанный мозогъ, — можно что молода многихъ прелестившая дѣвушка, отъ вздоховъ тяжкое сердце здѣсь упокоила? Богъ вѣдаетъ, кто; — едине знаю, что въ гробѣ етомъ суще, былъ мнѣ подобный человекъ! — Далѣе по всюду видѣлъ простерты гробы, и се уже свѣтъ солнечный скрывался, послѣдній лучъ за нимъ бѣжалъ, прелестный соловѣй вечернюю пѣснь уже щебеталъ; я троненъ былъ, страхъ, и ужасъ обьялъ сердце мое, хотѣлъ отдалиться отъ печальныхъ мѣстъ, но ноги не служили; остался якъ столбъ нечувственный, и только вздох-

нуль: О печальное мѣсто! оттуду и солнце убѣгаетъ; — о якъ оно прекрасно сіяло лучами, и уже скрылося: такъ человѣкъ въ зарѣ сіяетъ, но пришедшу вечерю исчезаетъ, и конецъ его останеть Гробъ. — Человѣкъ! свѣта сего обыватель, радостями занятый ширится по всей земли, ему вся селена тѣсна есть, онъ въ строптивой жизни зараженъ лживою тщетою, о своемъ гробѣ, якбы ему на вѣки жити должно, не поминая, преслѣдуетъ друга, и для худыхъ имѣній, для пустыхъ чиновъ, для безславныя славы непокойный, труды поднялъ незная, что сіи ему въ гробѣ неполезны будутъ; — человѣкъ колько лестныхъ и фалшивыхъ ковъ строить ближнему, не разсудивъ, что въ утробѣ земли всѣ равны себѣ будутъ, не помнетъ, что онъ человѣчества врагъ, онъ готовый друга изъ всей селеной изгнати, онъ невиннаго человѣка гонитель, его немилосердно убивъ, онъ якъ мѣхиръ празною парою надутый, по маломъ времени, а можно еще и днесъ земной утробѣ предастся, и съ врагомъ своимъ ляжетъ, и тогда между ними

миръ, и они покойно споятся, и будутъ друзья. —

Такъ я глубоко внуренъ въ мысляхъ отрупѣлъ, и мысль остановилася! невольный вздохъ пресѣкъ мой гласъ, и вся грудь отъ горести тужила, все округъ мене молчало, только вѣтрикъ потрясалъ зелеными листочками по насажденныхъ стромахъ; и сей часъ наремно звучалъ тонкогласный звонъ, вечернюю заповѣдающъ молитву; я всторгомъ очутился отъ сонной мысли, нѣсколько слезъ пустивъ, благословивъ темную могилу съ выраженіемъ сердечнымъ, блаженный вамъ покой, отдалился отъ ужасныхъ мѣстъ; въ отходѣ стрѣтилъ убогаго селянина съ косою на рамени, вопросилъ его о дневномъ дѣлѣ; онъ сказалъ, что косилъ траву зеленую для быдлъ своихъ, — и тогда еще больше распалася моя грудь, и закричалъ: О колько невинныхъ весело цвѣтущихъ травъ, колько развиватися начинающихъ цвѣтковъ изсѣкла немилостива твоя коса, только молодыхъ тѣлесныхъ цвѣточковъ падаетъ подъ неумолимая Смерти жестокою косою! — Такъ

пришолъ въ хижинку мою, и цѣлую ночь въ ужасномъ проводилъ снѣ. Видѣлъ якъ иногда Пророкъ кости безъ славы, и потрясся душою, и воскликнулъ: О Господи! по толикихъ работахъ, тяжкихъ язвахъ, по толикихъ мозолахъ, бѣдный Русинъ такъ безславно гнѣтъ, одиною увеселяся надеждою всеобщаго Воскресенія!

А. Д.

МИЛЕНЪ И ЛЮБИЦА

идильская повѣсть, отъ древнихъ
Русиновъ временъ.

Еще подъ высокимъ Карпатомъ, подъ цвѣтами гобзящимъ Бескидомъ широко пространный Русскій Народъ не былъ иноплеменникамъ подверженъ, и еще власными управлялся чиновниками, такъ зваными Крайниками, по быстротекущаго Лаборця, Уга, Латюрки, и славныя Тисы берегахъ, храбрін Русины, властительствомъ своимъ доволныи, весело утѣшались, въ чистой совѣсти послуживше Господу, въ свято простой природѣ якъ свободныи птички играюще, въ заимной любви якъ родныи братья жили. Обиталища ихъ отъ снѣжнаго Карпата по саміи жерела славной Тисы, а съ южной стороны тихотекущимъ великолѣпнымъ Дунаемъ граничилися. Тогда отъ воинственныхъ Вож-

домъ Стиликономъ еще 520го года въ Ита-
лію для взыску Славы отшедшихъ, но го-
ре, мѣсто жданной славы темный гробъ
обрѣтшихъ сродниковъ своихъ оставшии
Русины, уже свѣтлостію божественнаго
Евангелія просвѣщенныи, презрѣвше нѣж-
ныхъ художествъ, земледѣланіемъ занима-
лися, доволніи худаго кровавымъ потомъ
набывшимъ кускомъ хлѣба, и сытнымъ
стада молокомъ, доволніи домашнимъ про-
стонароднымъ, отъ мягкой волны исткан-
нымъ уборомъ, по широкопространныхъ
зеленыхъ нивахъ, по тѣнныхъ, самому міру
современныхъ лѣсахъ, невинно стадо па-
суще, и невинными народными играми ве-
селящися, часто же о отшедшихъ сродни-
кахъ своихъ ужасно разговоряще. —

Но оставимъ древно-народныя славы
Исторію; преднятая повѣсть снуется по
берегахъ славной рѣки Лаборца; — бо
помянути потребно, что рѣка Лаборець,
въ коей, по свидѣтельству Безименнаго
Нотарія, Владыка Славянъ утонулъ, въ
древное время, отъ подземныхъ теперь
уже скрытыхъ источниковъ, такъ глубока

была, что и въ сухихъ погодахъ только лодками и плытями чрезъ ню плавати, перебродити але никогда было возможно. По обой сторонѣ таже Лаборця жили невинныи Русины старательно землю дѣлающіи, и великое стадо найпачеже овецъ и козъ по масныхъ, и гобзивыхъ полянахъ пасущіи; жили въ займнои любвѣ и побратимствѣ, своихъ водителей Крайниковъ честующе, и имъ повинующеся. — На сѣверо-восточной сторонѣ рѣки занимала ихъ высокая гора, тогда названна Синайскою горою, которая теперъ Выгорля или Дѣль познавается, съ ужасною на вершинѣ скалою, называемою Синайскій, или отъ тѣхъ, которіи теперъ древность Русиновъ помрачити хотять, Сининскій Камень реченою. — На болшомъ горбику оныя горы стоялъ тогда маленькій, и хотяй не знаменитымъ художества украшеніемъ, однакожь красками внутренняго благоговѣнія убранный Монастирь, святѣй Екатеринѣ посвященъ, съ маленькою деревяною церковцею, набожными Чина С. Василя Великаго Законика

ми обитаемый, котораго уже и самыхъ щепеней не знати.

Колькоразъ молода развивалася весна, собралосѣ съ обоихъ сторонъ множество побожныхъ богомолцевъ, найпачеже молодыхъ пастуховъ съ веселыми пастушками; всѣ входящїи по возможности отъ своихъ плодовъ дары приносили въ Монастирь, моляще Вседержителя, чтобъ береги ихъ тучною пашею, нивы и сады богатымъ плодомъ благословилъ, и отвратилъ грозный поводъ отъ береговъ ихъ.

Еднымъ веселымъ весны днемъ, на день С. Великомученика Георгїя собралосѣ множество богомолчнковъ на Святую Гору, бо сего дня первый весенный отправлялся праздникъ. Съ десныя рѣки стороны собравшіися ожидали зарѣчныхъ друговъ, везущихся рѣкою плытями и лодочками. — Прекрасный видъ! множество шлюбкащихъ лодочокъ укрыло рѣку, на нихъ побожное пѣніе и веселость благочестивая, звукъ свистковъ, свѣрѣлъ, фуяръ и дудочокъ, набожныхъ гласовъ повторяющихъ въ радость похитили сердце,

паруски украшены вѣночками, разные барвы цвѣтами, зеленымъ синю цвѣтущимъ бервинкомъ, пантликами и тонкими ширинками, словомъ вкусно украшены корабчики показовали великаго праздника торжество. — Ледва приблизились къ берегамъ, и молоды дѣвушки якъ хитріи серны скакали уже по зеленой травѣ, лстиво обращающе взоры на слѣдующихъ молодыхъ пастуховъ; — повитались любезно обоихъ сторонъ сродники, дѣвушки цѣловались заимно, шептали собѣ тайны уже давно явныя, всегда тайкомъ поглянувшя на стороны, единакожь хотѣли, чтобъ тайныя взоры ихъ отъ молодцевъ видомы были. — Видати было тутъ, якъ една чорнобрыва, чорными кручеными волосами утѣшается, друга сивыми оченьками ажъ серденько проникае, една отлучается бѣленькою шією, той бѣленькая гобзящая грудь якъ снѣгъ свѣтитя, и не одного пастушка серденько ранить; а тутъ неискусна молоденька якъ ягодка, якъ розовый брость дѣвушка дивитя, незная, чему грудь ей такъ непокойно двигается. — По парѣ

приближались дѣвушки къ святой обители, ихъ послѣдовали народно убранны молодцы, по малы же за ними крачали честныи сродники, где сѣдою бородою почтенный Законникъ священою водою и святымъ крестомъ ихъ благословилъ, и о имени господнемъ набожно привиталъ. — Тутъ отдавали дѣвушки дары свои на престолъ: по единоцѣ ишли, выпорожнили свои кошки, положивше на святой престолъ бѣленькій якъ снѣгъ пшеничный хлѣбушокъ на жертву приготовленный, разный овощей плодъ, грудочку сыра, масла, и патокаго меда, а прекрасно съ розъ и незабудки увитый вѣнокъ повѣсивше на святой образъ Пресвятыя Богоматери, или Святыя Екатерины. —

Сей часъ принесла первую свою жертву за рѣкой живущая 16 лѣтня Любица; — радость и невинность плавали на ей румяныхъ, невинныхъ личкахъ, и проникающіи черныи оченька на прекрасный праздничный образъ вперше, такой показала видъ, якъ сама любовь; она первый разъ показала на народномъ празднику, и она

всѣхъ дружекъ своихъ красоту перевышла такъ, якъ царица цвѣтовъ роза превышаетъ въ травѣ процвѣтающіи косички; ея чорненьки оченька, бѣло-румяное личко, узонькій красноватый якъ дозрѣла ягодка ротикъ, бѣленькая холмистая грудь, и снѣгу подобныи плечи, по которыхъ вороно-чорныхъ волосовъ звязочки рассыповались, уязвили молодыхъ пастушковъ, всѣхъ взоры на одну Любицю вперты неотмѣнно стояли, очарованныи молодцы потряслися, думаячи что Ангель съ неба стоитъ предъ ними, еденъ другаго шептомъ о имени незнамыя дѣвушки вопросивше. Такъ стояла съ трепетомъ при образѣ праздничномъ душею тронена Любица; грудь ей тряслася чувствуячи и сама незная чего; и тѣмъ болше лучшая, что сама свою красоту еще не понимала.

Между прекрасными молодцами всѣхъ взоры заемшій Милень 20 лѣтній юноша, тихо стоялъ подъ широко-вѣтвенною липою, невнимательно разсмотрѣвъ по веселящихся прекрасныхъ дѣвушкахъ; — очн его якъ врановы съ множествомъ смѣ-

ющихся очей стрѣчали; съ внутреннимъ пораженіемъ посмотрела на него каждая дѣвушка, и напрасно обернувше взоръ со сѣдѣ своей дашто шепнула, съ нову тайно повергше взоръ на прекраснаго молодця, и нехотяще засмѣялася на него. Но Милена ни еденъ возбудилъ взоръ; увидѣвъ же невинно стоящую подѣ молодою липкою Любицу, сей часъ съ груди его несносный выразился вздохъ, лице его отъ незвычайнаго нѣкоего стыда покраснѣло, а взоръ аки бы окованый осталь на чорнобрывой дѣвушеньцѣ; — теперъ Любица наремно вергла оченько на стѣнящаго Милена, и напрасно оченька ей занурилася, незная, что такое всторгнуло серденько ей, и потряслася въ всѣхъ удахъ; но и Миленъ потрясся, сердце било грудь, и не посмѣливался болше поглянути на чаровную дѣвушку, а единакожь взоры его непрестанно на ней висѣли; — онъ весь троненъ и безчувствительный стоялъ, боязнь обяла его, чтобъ дивный дѣвушки образъ случайно не удалился ему; — и прекрасная дѣвушка не удалилася, остала на своемъ

мѣстѣ якъ закопанный столбъ, якъ бы заворожена, не внимая на разговоры дружечки своей, только тайная якаясь сила взоры ей на незнамаго младенца тягала, и коли съ его смутными очами стрѣчался, сей часъ якъ бы терномъ пободена, возмущенны взоры къ маленькимъ ноженькамъ пустила. Даколи прекрасна Любица между дѣвушками наремно стратилася, тогда Миленъ въ великое упаль непокойствіе, но съ нову увидѣвше Любицю доразъ увеселился, очи его искрили радостію, якъ между черныхъ хмаръ на пространныи поля напрасно сходящій мѣсячокъ увеселяетъ жизнь рябыхъ косиць. —

Сконченной набожности, духовный законникъ благословивъ богобойныхъ почитителей, — повернулся съ благоуханіемъ и тихостію всѣ богомолцы; — уже отити принужденна и Любица, первый разъ никогда чувствимый чувствовала непокой, сердце ей тряслось, смутно поглянула на затрупившаго Милена, и тяжкій вздохъ вырвался съ ей бѣлыхъ персей, прискорбно ступала къ берегу, где лодочка уже напол-

нена ю ожидала; еще разъ обернулася, глянула на одномъ мѣстѣ подъ липою стоящаго Милена, и съ нову печальный вздохъ поднялъ стиснутую ей грудь; нѣмо ступила въ лодочку, и она сей часъ поплыла по чистой водичцѣ. — Миленъ ужасный взоръ еще разъ вергъ на отходящую лодочку, и только не замлѣлъ, что она спасеніе его отвезла. — Нещастный Миленъ! якъ бы громовымъ ударомъ тронень, осталъ подъ липою, слезы съ его очей текущій сросили зеленую траву, бездушно впередъ очи на быстротекущую, и серебряными валами играющую рѣку, проклиналъ ю, что она отдаляетъ его отъ любезнаго Ангела; но уже не видѣлъ свирѣпую лодочку, она счезла по валахъ, якъ легко парящая птиченька по воздуху. Въ семь состояніи тогда только пробудился отъ тяжкаго сна, коль его товариши покличали. — Что тобѣ? говорили соболѣзнующій младенцы, — ты боленъ? голова болитъ ты брате? и сожалѣли всѣ, бо его любили сердечно, онъ врага не малъ; онъ больнымъ себе сказалъ, бо истинно боль его

великій и тяжкій былъ; — ишолъ съ товаришами по берегу, всегда на рѣку и на тамтую сторону позирающе, не внималъ на звукъ пѣнія и игры друговъ; поблагодаривъ ихъ, войшолъ въ хижину отца своего Богдана, поцѣловалъ любезнаго старика, и разговорился съ нимъ о бывшемъ празднику. — Старикъ благочестивый пріемъ въ обятія сына своего, сказовалъ ему о древнихъ временахъ, о случившихся поводѣхъ и ущербѣхъ, и о чудесномъ защищеніи Пр. Богоматери; такъ утружденъ сну предался мягкому. — Миленъ оставивъ стараго родителя въ сладкомъ снѣ, вышолъ въ садъ, и печално вперъ очи на тамтую сторону рѣки; — не увеселилъ его уже лѣпо за горы выходящій мѣсячокъ, не радовали взоръ его трепетающіи звѣздочки, онъ безчувственъ стоялъ якъ закопанный столбъ, на конецъ скричалъ: что мнѣ случилось? что я чувствую? отъ куду сіе трясеніе персъ, чому непрестанныи вздохи? — О чому не зналъ я взоръ мой отъ ней отвратити? чому я пропалъ на отходѣ ей? и чемъ есть сія печаль доселѣ? — Ахъ,

ахъ, я несчастный! ю одну вижу я, вижу ты о прекрасная дѣвушка подъ липою, вижу ты стрѣляющую оченьками на мене, вижу ты печальную, вижу чорніи оченька, воронисты волосы по бѣленькихъ плечахъ плаваюциі! — О прекрасная дѣвушка, ты мене очарила, ты сердце мое плѣнила, я уже болше не живу! — о естлибъ и ты мене любила! — Но где ты? о далеко! Богъ вѣдаетъ, где ты почиваешь? и можно въ обятіяхъ другаго? незная, что я тужу за тобой! — Но драгая, твой прекрасный образъ всегда предо мною есть, съ мною онъ будетъ день и ночь, съ мною выйdetъ на зеленую пашу, со мною къ поточку черчущому, онъ мнѣ сопутствовати будетъ по унылыхъ лугахъ, и можно безъ надежды, чтобъ его даколи увидѣти!

Жалостно сказалъ сіи слова, оперся на сухой пень, воздвигъ очи на свѣтлый мѣсячокъ, и печальный вздохъ выразился съ грудей. Такъ прекрасна она, говорилъ, якъ ты ноцная небесъ Царице, такъ красива она въ числѣ дѣвушокъ, якъ ты между свѣтлыми звѣздами около тебе бле-

стящими; — съ нову замолчалъ, забылся, и съ нову тяжкій вздохъ разсыпался по воздуху; такъ еще долго опертый стоялъ при безчувственной колодѣ, якъ она и самъ безчувственъ; — пустился на зеленый холмикъ, и тяжкій сонъ заперъ слезящій оченька. —

Миленъ твердо уснувъ, въ снѣ предъ нимъ стояла любезна дѣвушка въ подобномъ Ангела виду, онъ осмѣленъ извѣстивъ ей горящую любовь, молилъ ю о взаимной любви, стиснувъ бѣлу рученьку, простеръ обѣ руки на обаянiе, и се — о страхъ — онъ воздухъ обнималъ! пробудился, обнимати готови руки умѣли, и новый жалостный вздохъ разсыпался съ грудей его по широкомъ воздуху.

Иными часами свѣтлая зоренька, и весело щебетающихъ птицъ утрення пѣснь Милена на радостны пѣсни возбудила, онъ доселѣ по набожной утренней молитвѣ радостно дулъ въ гласную фуяру, и воздухъ отбивалъ по скалахъ его гласъ; но теперь первый разъ смутно, и журливо привиталъ въ золотой одеждѣ за горы ве-

лелѣпно исходящее солнце, выпустивъ съ кошары невинное стадо, дивящееся на печальнаго вожда, вышелъ на поле, где его пастухи пріятно пріймали. Тутъ точился любезный разговоръ о вчерайшемъ празднику; еденъ показовалъ жолто-синю пантличку, которую ему любезна дѣвушка вчера подарила; другій показалъ косичку, которую ему мила дѣвушка запяла за широкой шепачокъ; третій спѣвалъ новую пѣснь, котору отъ миленькой вчера научился; единъ лишь Миленъ задуманый стоялъ опертый на палицу, ни слова рекше, — тяжкими вздохами занятый. — Пастухи примѣчающе незвычайну его скорбь, посмѣялися, и онъ уже утанти не могъ, что сердце его любовь опечалила.

Любовь Милена день днемъ росла, онъ отдалился отъ пастуховъ, потупивъ игры и веселости; — не увеселили его зеленяя весны радости, и всякое товарищество 'му тяжкое было; самотностію занятый стадо свое загналъ въ дебрѣ, по хощѣ блудиль отчаянно не кинувше болше фуяру, замолчалъ якъ косъ во время жатвы,

непрестанно прекрасныя дѣвушки образомъ упражненъ. Часто садился на скалу ужасную, вперъ очи на тамтую рѣкн сторону и сердился, что пришедшу вечеру отдалитися долженъ былъ отъ вида южныхъ береговъ, — и тогда на способъ стениащей горлицы тужилъ, гласно говоряще: О щастливое дерево, котораго тѣнь пріймаетъ тебе прекрасна голубочко! — О якій вѣтрикъ холодить румяное личко твое? где ты? ты сердца моего драгоцѣнный бѣсерю! ачей никогда уже не найду тя? — и хотяй непремѣнно ты въ моихъ очахъ, единакожь ты мною невидима! — О естли бы ты чувствовала мою тужбу, естлибъ ты знала коль я плѣненъ тобой, на истѣ помилвала бы ты бѣднаго любовника, нещастнаго плѣнника!

Въ такой тяжкой тосцѣ горяціи ему покотилися слезы, еденъ глубокой вздохъ другаго достигаль, и въ томъ жалѣ посмотрилъ на покойно лежащую свою фуяру, наремно поднялъ ю, и напрасно отъ тяжести сердца громко заграль слѣдующую

П ъ с н ь :

Прелестныя горы,
 Быстры поточки,
 Зелены долины,
 Рябы цвѣточки,
 О уже вы мене
 Не веселите,
 И страстную печаль
 Не утолите.

Бо мое серденько,
 И самъ не знаю,
 Чомъ плаче горенько?
 Не понимаю,
 Все горить якъ пожаръ,
 Палить якъ пламѣнь,
 О несносный тяжаръ,
 Якъ млинный камѣнь!

Были то години,
 Но ужь минули,
 Коли ми калины
 Мило цвѣнули;

Коли ми соловѣй
 Весело свисталь,
 Коли ми бѣлый день
 Ясненько блисталь.

Но щастіе мое
 Где ся подѣло?
 Чомъ мое серденько
 Такъ занѣмѣло?
 Пропала ми доля,
 Доля молода
 Убѣгла такъ скоро,
 Якъ быстра вода!

Еще далѣй хотѣлъ пѣти жалостну пѣснь, но грудь не дозволила, свернувся на зелену траву, и полумертвый горенько стукалъ, якъ другочки лишений голубокъ.

Въ такой тосцѣ провожалъ Миленъ всю весело играющую, но для себе мертвую весну, такъ стеньялъ цѣлое лѣто даже до плододарящія осени; — онъ не былъ болше на праздникахъ народныхъ, презрѣвъ нгры и веселости друговъ своихъ, самъ скитался якъ самотный воробецъ

по скалахъ, презирая веселости юношества и звуки молодости. — Товарищи, а наиболее дѣвушки болѣзновали отсутствіе его, бо онъ передъ тѣмъ начальникомъ былъ веселыхъ сходовъ, а пѣсни его превышали и самага соловѣя любезныи триллы.

Уже утолился жаръ солнца, уже замолчалъ высоколѣтающій жаворонокъ, уже холодна осѣнь земледѣльца достойнымъ благодарила плодомъ, уже все поле жолтая была стерень, коль печальный Миленъ къ берегу Лаборця вывелъ маленькое стадо свое, внимательно рассмотрялъ на другосторонніи береги: и сей часъ увидѣвъ привязаную къ молодой вербѣ лодочку, напрасно всторгненъ духомъ скричалъ: пойду, пойду на другу сторону; можно снайду ю; — альбо снайду ю, альбо тамъ отдамъ жизни моеи цвѣтъ, где она живетъ, на тѣхъ берегахъ, где она ходитъ, где ей ноженьки згинають пахнячу траву; — я пойду — една мысль, — а Миленъ уже якъ стрѣла въ лодочцѣ; и самъ не внималъ, коли на другой сторонѣ на бережку стоялъ.

Потрясся весь, сердце било въ грудь, и чувства умлѣли, якъ бы нѣкоею силою рушень, пустился въ вербовый лѣсокъ, въ густую и изрядно чистую рощицу; видѣлъ тамъ и удивился, прекрасны поляночки, кипровыми деревцами обсаженныи, прекрасныи цвѣточки, около поточка маленькаго въ двохъ рядахъ художно сажену незабудочку, фіялку, на маломъ же горбику гевъ тамъ рожевыи корчи, а между ними раскрыченную бѣлу лелію; словомъ каждая трава порядно огражденна увеселила его, якъ прекрасный рай сладости. Съ трясущимъ сердцемъ вшедь во гущаву, и се зеленый виноградный сплетокъ съ богатымъ плодомъ восторгнулъ духъ его, и вздохнувъ: О Господи! естлибъ она тутъ была, о кедъ бы я ю тутъ найшолъ, ябъ уже щастія моего вершину досягнулъ. — Но что то естъ? не сей ли сплетокъ, не сіе ли мѣсто видѣлъ я въ снѣ? не такъ ли показалася она мнѣ недалеко отъ шумящаго поточка? на истѣ, я сіе мѣсто видѣлъ въ снѣ; я видѣлъ той холмикъ, видѣлъ розовый корчъ, видѣлъ бѣлую лелію, не-

винную якъ она, бѣленькую якъ еи шія ;
 — но ото лишь сонъ былъ, онъ исчезъ, и
 мое щастіе съ нимъ, съ нимъ пропала и
 моя доля ! Въ той мысли пустился на зеле-
 ный [цвѣтуцій горбикъ, точиль тоскных
 слезы, и сей часъ съ синьои модрячки, жол-
 то сивои незабудки, жолтаго лотача, и зе-
 ленаго бервинка удобно сплетеный вѣно-
 чокъ палъ на главу его ; онъ возбужденъ
 отъ сего сна, отворивъ очи, што то есть ?
 и се, о — о — о радость ! — прекрасная
 дѣвушка, якъ небесный Ангель стояла
 предъ нимъ, въ самой невинности, якъ
 самая вочеловѣчившаяся Любовь. —

Милень тронень, подобно сребрянны
 тополѣ листочку трясся, напрасно скочивъ,
 и замороченною душею стоялъ передъ ве-
 селюю Любицею, нѣмый якъ камѣнь, глу-
 хій, и разслабленному подобный ; тысящъ
 любезныхъ словъ наразъ хотяй выречи,
 силился дойти къ Ангелу своему, но языкъ
 и уды не служили 'му ; якъ болванъ, якъ
 трупъ стоялъ, молчалъ, и стениалъ, —
 страсть чувствуя такую, якую никогда пе-
 редъ тѣмъ ; только очи рѣки слезъ точащии

говорили любовь, — его радость ужасная была ему. — Въ томъ самомъ состояніи находилася и тронена Любица, потряслася и она, замолчала, очи на землю внурила, якъ закопана ни сюда ни туда рушиться годна; по маломъ часѣ обернувшись бѣжати хотѣла, но едва три стопы — и уже стала, печальный взоръ вергше на ждаемаго молодца; — опять бѣжала, но Миленъ распаленъ чувствомъ однимъ шагомъ достигъ ю, хвативъ за мягку рученьку, скричалъ: О ты истинно передо мною? Ты моя, — я снайшолъ тебе, ты мое блаженство! Такъ стояли непорочно, они любилися заимно не знавши любви, и сей часъ бросилса въ объятія другъ друга, подобно двомъ поточкамъ, кои быстрымъ стремленіемъ соединяются въ мѣстѣ; — тогда отворилса уста Милена, валитса слово за словомъ, якъ отверзшуся источнику валитса звыкла вода, горнувшая съ собою, что ей на дорожѣ есть. Любезная Любице! дражайшая моя, ты мой Ангель, моя страсть и радость! Я люблю тебе, люблю болше якъ весь свѣтъ, болше якъ стадо и все имѣніе мое,

болше якъ самага себе. — Тебе одну видѣль я въ жизни моей, тебе одну вижу на всякомъ мѣстѣ, съ мною ставаешь, съ мною лѣгаешь, ты моя душа, я безъ тебе мертвъ, унылый мнѣ безъ тебе свѣтъ; жаръ любви сушитъ сердце мое, якъ солнечный жаръ поля недоставшей росѣ; — ты роса сердца моего, я тобою живу, якъ зелена трава благою росою! Любница запалилася, якъ сходящей зори воздухъ искрили оченька ей, несмѣлыи вознестися, не рекла слова, только вздохнула, притулившеся въ объятія любезнаго Милена.

Такъ стояли невинно радующеся любезными молодята, якъ звыкъ братъ съ сестричкою сходшися по давномъ отсутствіи, и по малы успокоеннымъ чувствамъ, утихла и огненная страсть сердца ихъ, тогда обое посѣдали на горбочокъ, на которомъ не давно печальный Миленъ тужилъ; Миленъ рассказывалъ свою тоску отъ перваго праздничнаго времени; говорилъ, якъ онъ ю глядалъ, якъ домогивался за ней, и якъ унылое было ему все весное и лѣтное время; — Любница

же осмѣлившая такожде сказала ему свою страсть, придавше, что и она тужила якъ друга лишенная горличка, и что отъ тогожде праздничнаго времени взоры ей непрестанно на берегахъ Миленовыя стороны впертыи были, что отъ онаго времени всегда только по берегахъ дѣло свое вдячнѣйше дѣлающе, туда и малое стадо свое отлучившеся отъ дружокъ своихъ заганяла, и якъ старательно украшала сію рощицу, вздохами ю холодивше, а слезами оросивше.

Такъ ревно поминали судьбу свою невинныи любовники; уже блестящии звѣзды плавали по рѣцѣ, уже мѣсячокъ давно показался надъ горою; они таже повставали обѣщающе, что каждый день, естли имъ робота допустить, изидутся; — съ болѣзнію разлучилися: иди съ Богомъ, говорила Любица, иди съ Богомъ драгоцѣнный бѣсерку; иди и ты о имени Господнемъ, рекъ Миленъ, любезная невинна горличко, иди и думай о мнѣ въ сладкомъ снѣ. — Ишли, — но обое огляншеся, съ нову бѣжали въ обятія себѣ, — иди серденько, рекла Лю-

бица, и подала прощательну рученьку Милену, и не запомни утромъ, естли можно ти и отецъ твой сонзволить, поглянути мою рощицю; Миленъ стиснувъ мягкую ручку, безмолвень прощался, любезный взоръ вергше на оставшую красоту, тогда разлучилися. Любица загнала стадо малое, Миленъ же бѣжалъ въ лодочку, переплывъ рѣку; — и тогда первый разъ весело задулъ фуюру, отъ весеннаго праздника занѣмѣвшую. Теперь Миленъ якъ бы новорожденъ съ нову веселую добыль дяку, онъ спѣвалъ, свисталъ, игралъ, фуюра его никогда спочивала, онъ уже посѣтилъ забвенныхъ товаришей своихъ, и смѣло сказалъ, что онъ щастливъ, что невинна и прекрасна Любица для него родилася; но всегда, пришедшу вечеру, препоручивъ стадо свое другу своему, самъ скоро скоренько бѣжалъ на другую сторону, гдѣ его любезна дѣвушка съ новымъ вѣнчкомъ, и полною горстію рябыхъ цвѣточковъ невинно привитала.

Что больше сходилися заимно, то довольнѣйшіи были сладкою жизнію; часто

сказалъ Миленъ якъ онъ влюбленъ, и что жизнь его безъ Любицы пустая была бы ему, якъ день безъ солнца, якъ ночь безъ мѣсячка; то само повторила и Любица, сказавше: что безъ Милена такъ жити не можно, якъ животному безъ воздуха, якъ рыбѣ безъ воды. Многоразъ пѣсни перенимали, коль Любица спѣвала, Миленъ на колѣна ей склонивъ голову, увеселялся, и видѣлося 'му, что и самъ соловѣй пріемнѣйше не можетъ щебетати; а коль Миленъ на фуюрѣ игралъ, Любица внимательно сплетше вѣночокъ, на голову ему сложила, рекше, что и гласный косъ не перевышаетъ его милый голосокъ.

Единъ разъ посѣтивше Любицу Миленъ, ей на поли пойманную горличку принесъ въ подарокъ; Любица радостно пріяла дарокъ, поймавше любовну птичку за ноженьки видѣла, якъ непокойно трепочеть крыльцами, щебочеть, якъ бы дакого на помощь звала; — Любица съ жалостнымъ чувствомъ смотритъ непокойную плѣнницу: — што ти миленька горличко? ты свободы желаешь? — кого зовешь? за кимъ

тужишь? о наистѣ ты за другочкомъ тоскуешь; о Миленъ! смотри, якъ она страстна! позволи, да пущу ю; тогда растворше перстники, и птичка сей часъ щебетаючи отлетѣла на вѣтви, и далѣй искати содружочка своего. Любица на той видъ печальная стала, склонивше головку на Миленовы плеча, въ слезахъ рекла: О Миленъ! чтобы я чинила, естлибъ и я такъ тебе стратила? О Господи! я бы болше не жила, ябъ сей часъ лишилася жизни! — Миленъ! я безъ тебе жити не могу. То самое чувствовалъ и оскорбленный Миленъ, и придулился къ слезящей дѣвушкѣ. —

Минувшу въ такъ сладкомъ и благомъ согласіи должайшему времени, обоє щастливиі были! Миленъ каждый день посѣщаль Любицу, онаже всегда новымъ занимала его веселіемъ. Случилося еденъ кратъ, что Миленъ во обычный часъ пришедше, не найшоль любезну дѣвушку въ роцицѣ; непокойно ждалъ ю, и она не приходитъ; вызираетъ, идетъ ей въ стрѣчу, и дѣвушки не есть, всходитъ на високаго бука, — не видно дѣвушки. —

О Господи! что сталося? ачей она больна? ачей головка ю болитъ? или что сталося? О я иду, иду, посмотрю ю! и въ томъ степеніи вырѣзалъ на етомъ бучку нмя любезной, вырѣзалъ и свое, и оба вѣнчкомъ незабудковымъ окружилъ, и благословилъ ихъ рекше: расти, разширайся бучку зеленый, расти чрезъ вѣки, и съ тобой да растутъ имена и чистая наша любовь! Посему зажурень вергся на горбикъ подъ розовый корчъ, рученьками Любичима засаженный, и стеньялъ; — и се предъ нимъ Любича побуренными и расплетеными волосами, выплакаными оченьками, безъ вѣнчка на головѣ, безъ косицъ на персехъ, сполошена якъ молода серна гонившу ю ловцю. — О небо! скочилъ троненый Миленъ, что тобѣ голубочко моя? кто тебе оскорбляетъ? скажи, иду и помщуся, сражуся и съ самимъ великаномъ; Любича отворила плачущій ротикъ, но слово умлѣло, не могла промовити, только слезы тучею ліялися изъ чорныхъ очей! Молю тя небомъ, скажи вину болѣзни любезна, скричалъ Миленъ, и отерь ли-

цемъ своимъ драгоцѣнныи слезы падаючїи изъ очей Любицы. — О Миленъ, любезный прїятелю, сладкій друже! мене сїлять, — о Миленъ! мене нудить мамушка другаго любити; — мене мамушка уже обручила Лукану, богатому на сей сторонѣ ватагови; и замолчала, оченька предникомъ покрыла, горко тоскуя. Миленъ ужасно устрашился, емъ дѣвушку за руку; — такъ есть, продолжала Любица, Луканъ силный и богатый, стада его пространно пасутся по горахъ и долинахъ, онъ лукавый Луканъ прелестилъ мамушку мою, и обманулъ ю, а она желающая моего щастїя мене обѣщала ему; сїе вырекше впала въ притулъ пораженнаго юношенька. — — Но нѣтъ! Миленъ, я на сїе не склонюся, паду къ ногамъ любезной матери, цѣловати буду колѣна ей, и умолю, умягчу душу ей, и она отстанеть отъ сего намѣренїя, она мудра, она благосклонна, она любезна мамушка.

О здѣлай тое любезна, говорилъ Миленъ, здѣлай, я чаю склоненїя ей, она не будетъ противна нашему сочетанїю. —

Я любезный друже все сдѣлаю, я готова и безъ согласія мамушки тебе слѣдовати, я Луканова не буду, хотяй бы онъ и царскимъ владѣль стадомъ; — я не послухаю мамушку, и не есть силы, чтобъ она мя отъ тебе оттягла, я съ тобой иду. — И что ты сказала? скоро перерваль слово Миленъ, что ты сказала? ты не подумала, ты безъ разсужденія слѣпыми чувствами везешся. Нѣтъ любезная! сіе случитися не можетъ, ты повинна мамушку слухати, твоя повинность, стару мамушку подкрѣпляти, ей суду подвергшеся волю ей исполнити; любезна, мы хотимъ сочетатися въ бракъ, мы хотимъ въ заимной любви новое составить общество, и желаемъ блаженства; но узнай, что благословеніе Господне споется съ благословеніемъ родителей. — О любезна, не противися материному желанію, да не отиметь отъ тебе благословеніе и не изречеть, хотяй не нарочкомъ клятву на тебе; бо тогда унылое будетъ наше сочетаніе, и наша жизнь будетъ блудъ, будетъ грѣхъ и мерзость. Но послухай, иди, моли мамушку, склони сердце

ей, и проси отъ ней благословенія. — О Миленъ! отвѣщала Любица, я повиновавшися матери нещастна буду, а непослушна такожде нещастна; о Миленъ! я таже на всякій случай нещастна! Мамочку обмантилъ лукавый Луканъ, ю богатство прелестило: она думаетъ, что въ множествѣ стада и имѣній залежитъ щастіе, она блескомъ обманута, непремѣнно Лукана желаетъ зятя; Миленъ! я на всякій случай нещастна, — и тогда горко заплакала. — Не огорчай состояніе твое любезна напраснымъ судомъ, судьба наша у Господа. — Ты повинуйся волѣ матери твоей, бо Богъ непослушныя дѣти наказуетъ, чти мать твою, буди послушна повелѣніямъ ей, Господь помилуетъ тя, и воздастъ ти благодать за послушаніе, буди послушна якъ Исаакъ отцу своему; и естли такая наша судьба, что мы соизволеніемъ матери твоей едно быти не можемъ, тогда прощай любезна, забудь мене, я отиду отъ туду въ далеки стороны, пойду на конецъ свѣта, пойду въ пустыню, скрюся въ скалы, и якъ набожный пустынный буду

вздыхати къ Господу о щастливой твоей участи. — Але драгая, пойдѣ къ матери, моли ю, и проси о благосклонности; — пойду и я, буду ю умоляти, просити, и чаю потѣху отъ ней; бо она твоя мамушка, она немилостива быти не можетъ. — О не сердися друже, сказала Любица; — я чувствомъ тронена изрекла пустое слово; я иду къ мамушкѣ, иду, она добра, она склонна будетъ на мое желаніе. Такъ тѣшились заимною надеждою, и солнце склонилося; они разлучилися.

Милень ужасными мыслями отяженъ ступилъ въ обыстія отца своего Богдана, цѣлую ночь сражался съ тяжкими сонными видѣніями, непокойно ожидалъ утра, которое ему щастіе или вѣчную принесетъ пагубу. — Пришедшу утра, вывелъ стадо на береги рѣки, на зеленую стерню, вручивъ его другу своему Братолюбу, самъ съ ужаснымъ попеченіемъ переплылъ на другую сторону, где уже его веселымъ видомъ и смѣющимъ ротикомъ прекрасна ожидала Любица; наремно летѣла ему въ обятія, и сказала: Милень! мы щастливыи, мамушка

склонила на мою тоску, она изволила, чтобъ я по моему сердцу супруга избрала, приложивше что тогда совершенну волю изявить, коль тебе сама увидить, и познаеть лично; бо молода дѣвица, — говорила — любовію и виѣшнимъ тронена блескомъ часто обманутися можетъ; она не разсуждаетъ, слѣпою склонностію ведена бѣжитъ несчастна, якъ рыба на удицю, и на послѣдъ главатости своей жертва останется, цѣлую тоскуя жизнь, и проклиная первый персъ своихъ огонь, которымъ вѣкъ свой спалила. Я сказала мамушкѣ, что ты благочестивъ и добродѣтельный, и что ей на истѣ до дяки впадешь; она засмѣялася и обѣщала свое благословеніе, естли тебе достойнымъ на сіе увидить. — Теперь Миленъ! приди со мною, и покажи нравы твои матери моей, дастъ Господь не по долгомъ времени и твоей. Та уже мамушка твоя знаетъ о нашей склонности? — но я еще отцу моему о тебѣ не сказалъ; — учини милость Любиценько, приди сей часъ къ старому отцу моему, чтобъ онъ видѣлъ щастіе мое, и бла-

гословилъ насъ; онъ благосклоненъ будетъ, ты ему полюбишься; приди любезна, не далеко тамъ подъ горою хижица наша. Любница склонилася на жадость юноши, — бо что не соизволить любовію плѣнена дѣвушка? — И поспѣшно нарвала цвѣточки, сплела нову парту, умыла чистою поточка водою прекрасное личенъко, и сей часъ готово убрана якъ Ангеликъ стояла передъ любезнымъ, готова на вся желанія его. Хитро таже позбералися; руки подавше собѣ летѣли якъ мысль къ берегу, разомъ скочили въ лодочку, и ледва сколько минутъ, они уже на маленькомъ дворикѣ. — Остань, пождай немножко любезна, я самъ войду къ отцу, и приготовлю его на твой пріемъ; Любница остала подъ зеленою плодомъ важною грушкою. Миленъ тихо воишолъ въ колибу, ставъ предъ сѣдымъ родителемъ, порумянѣвъ, спустилъ очи на землю. — Что такое сыне, что ти дѣтино? якого нещастія вѣститель приходишь ты? говори смѣло сыне. — Миленъ приближился, поялъ за руку стараго, и поцѣловавъ ю отворилъ ротъ, но слово на языку спер-

лося — онъ замолкъ. — Что ти дѣтино? вопроси старикъ, и Миленъ сражающеся чувствами началъ: Няню солодкій, я люблю одну дѣвушку, и сей часъ съ нову занѣмѣлъ; — прошу о соизволеніи, — позволи лучшую, достойнѣйшую и нравнѣйшую свѣта сего дѣвицю пріяти за невѣсту! — Посмотривъ острожно старый Богданъ единаго сына своего, и съ достояніемъ рекъ: Естьли ты красотою и блескомъ внѣшнимъ не обманутый сыне мой, естьли избрана тобой дѣвушка богобойна и побожна есть, тогда щастливый будешь, бо Господь благословеніе токмо любящимъ его и добронравнымъ даетъ. — Няню любезный, отвѣщаль радостно Миленъ; я не обманутый красотою ни пустымъ блескомъ; дѣвушка моя, хотяй и весь женскій полъ превышаетъ красотами и нѣжностію, но при томъ богобойнѣйша, честнѣйша, благонравнѣйша есть всѣхъ дружекъ своихъ, она достойнѣйша твоею быти невѣстою; — сія рекъ вышолъ зъ хижчины, и подъ минутою Любица стояла передъ старикомъ, Миленомъ введена.

Любица старому дивною показала, и естлибъ ей крыла не отсутствовали, думати повиненъ былъ бы, что Ангель съ неба присутствуетъ ему; она тронена спустила оченька, личка ей спламенѣли, головка въ землю внуренна, не смѣла и взоръ единъ вперти на старого, и уже стыдилася сама себе. Миленъ то на отца смотрѣлъ и радовался, что онъ внимательно витаеть свою дѣвушку, то весело на дѣвушку глянувшѣ, распалялся сердцемъ; на послѣдъ взялъ ю за рученьку: прійди любезна дѣвице, поцѣлуй руку лучшаго на свѣтѣ отца; Любица нѣмо поцѣловала старикову руку.

Старый Богданъ якъ очаренный не могъ очи отклонити отъ прекрасныя дѣвушки, и самъ незная, чому якуюсь велику склонность чувствуетъ къ прелюбезной дѣтинѣ; и наремно скричалъ: О Господи! въ образѣ, въ сѣхъ очахъ, въ семъ честномъ челѣ я познаваю, я ображаю любезнаго моего друга. — Дѣвице скажи, ты Драго мірова дщерь? — бо образъ сей есть его любезный образъ, въ молодости

моего драгоцѣннаго друга! скажи любезна, кто есть отецъ твой? Мой отецъ сказала жалостно Любица, былъ Драгоміръ, но я его не зпознала, мене мамка еще подъ серденькомъ носила, коли онъ преставил-ся. Мати моя каждый день на гробъ его плакала, и тамъ мене въ болести сердца породила.

Тогда потрясся тѣломъ и душою старый Богданъ, заключилъ въ объятія дражайшаго друга своего дѣвушку, и горенько заплакалъ: дѣтино! ты Драгомірова дщерь, ты честнѣйшаго, блаженѣйшаго, и набожнѣйшаго человѣка, дражайшаго товариша моего дѣтина; онъ уже съ Богомъ почи-ваетъ, а я тужу за нимъ; онъ не былъ богатый, но порядный человѣкъ, и прото его Господь всегда благословилъ, не малъ онъ врага, не завидѣлъ ему никто, бо онъ никогда не отпустилъ убогаго безъ помощи, безъ потѣхи. — Дѣвушко, а ты теперь изволила моею быти невѣстою? я обновляюся въ твоємъ согласіи, тебе люблю бол-ше якъ всѣ дѣвушки, бо знаю, что ты образъ отца твоего носяще изобилно и

нравовъ его наслѣдница еси. Господь да благословитъ тя, да благословитъ васъ въ купѣ, и подасть вамъ долгоденствіе.

Миленъ горѣвъ отъ радости, выбѣгъ приготовить дражайшей своей ужину; наполнилъ кошички яблоками, грушками, сливами, боросквами, и виноградами, положилъ на столъ молодого масла, сыра, меду, и бѣлый якъ снѣгъ хлѣбъ; — такъ гостилъ миленьку, и естлибъ могъ былъ, и сердце свое положилъ бы ей на гостину; поялъ румяное яблочко, давалъ миленькой съ словами: то такъ румяное якъ твое личко было, коли я тебе первый разъ увидѣлъ. — Весело угощались любовники, и уже соненько послѣдними сіяло за горы лучами; Любица извѣстила, что ей нужно отити; отбралася, прощалася съ старикомъ, и отишла на обятіяхъ Милена, который ю весело ажъ къ хижицѣ ей отпровадилъ; — обѣщая, что утромъ посѣтитъ ю, и любезну мамушку ей благочестивую, и отъ всѣхъ почтенную Власту, и ей свою склонность изявить постоянно.

Прощався съ Любицею Миленъ, съ веселымъ намѣреніемъ утраго посѣщенія, въ сладкой радости повернулъ, вшедь въ лодочку, взявъ весло, и невнимавше на прибытіе воды, въ чувственномъ забытїи плавалъ на свою сторону; напрасно же обачивъ, что лодочка его мечется по валахъ, и въ самой серединѣ рѣки къ одной скалѣ такъ трѣснула, же и весло маленькое переломилось; тогда ухватили валы лодочку, и несли ю въ долину якъ вѣторъ; устрашился Миленъ, ратовати хотѣлъ, но уже не было можно; во отчаяніи несенъ волнами кричалъ, просилъ помощи, но бывшей ноци никто не слышалъ вопль его; онъ таже знаменяся святымъ крестомъ, поручилъ Вседержителю судьбу свою; между страхомъ и надеждою летѣлъ по серединѣ валовъ! откуда прибыла вода незная, не видѣлъ, что чрезъ время прогулки его на Бескидѣ ужасный дождь лілся; — видѣлъ гевъ тамъ блистящїися по берегамъ огники, кричалъ, но рыкъ воды не допустилъ голосъ къ огневи; напослѣдъ увидѣвъ яснѣйшїй блескъ, лодочка его

просто къ нему смагалася; и сей часъ приближилися помощницы, кваками желѣзными лодочку его привлекше, взяли его на свой корабчокъ, и вывели на сухій берегъ, просили до хижицѣ, на которой стѣнахъ мрежи сушилися; онъ вшедъ, благодаривъ имъ, помолился Господу о спасеніи своемъ. Рыбари, — сіи бо были въ корабцику — благодарили также Господу, дававшему имъ милость сей день двѣ особы спасти. Единъ рыбарь сей часъ послужилъ своимъ гостямъ глѣбомъ и овощами, другійже доселѣ приготовилъ рыбу, на угощеніе приходниковъ своихъ. Бо знати нужно, что рыбари, кромѣ Милена, той вечеръ честнаго одного старика выслободили отъ утопленія, и той былъ помянутый другій гость.

Рыбарь оставшій забавлялъ гостей своихъ, и не забавкомъ другій приготовленную принесъ рыбу, и всѣ весело вечеряли; — домашніи спросили гостей о ихъ участи, и первый Милень сказалъ ужасный свой случай; посемуже вопрошенъ старикъ, вздохнувъ отеръ слезы, такъ началъ

говорити: — Я братя любезный житель,
и гражданинъ великаго города К
именемъ Р а д а н ъ, былъ Сенаторомъ, бол-
ше разъ и начальникомъ гражданскимъ,
но о жалю, начальники града того потупив-
ше заповѣдь Божую, нечестивымъ путемъ
пустилися, примѣромъ лукавымъ бывше,
нравы согражданъ своихъ погубили, они
про малый и худый добытокъ, про дары,
мамону, и про дочасное имѣніе, мѣсто пра-
восудія неправду, окламство возвышили,
— тамъ про свойственную ползу грѣхъ
похвалою, безчесть честію, злодѣйство
добродѣтелию сталося, благочестивіи гоне-
ніями пренаслѣдовалися, а нечестивіи лест-
ники, ласкателіе, наипачеже сродники не-
честивыхъ начальниковъ, воры и злодѣи въ
степени превозношались, народъ заслѣп-
ленный тѣми прелщенъ не видѣлъ свою
пагубу! Я видѣвъ неправедность проти-
ворекъ, неправедному суду противился,
я законъ защищаль, и они мене прото
ненавидѣли, наустили противо мене на-
родъ, мою невинность потоптавшѣ, на
конецъ изгнали во заточеніе. О Господи

ты праведенъ еси, не помни беззаконіе ихъ, и натхни ихъ духомъ святымъ, чтобъ имѣющіи очи видѣли, и лишился беззаконія.

Сія сказавъ старецъ, густой вздохъ высылался изъ его грудей. Дивительно слышали его невинныи рыбаи, чудащеса, что могутъ быти люде невинности гонителіе, и неправды защитителіе. — Такъ между пріязнымъ разговоромъ отдаліся на покой, и твердо заснули.

Милень не зажмурилъ ока; онъ печальный изображалъ тужбу отца своего, и еще болше тоску Любицы, коль пришедшу утру не посѣтитъ, и съ тѣмъ въ смятеніе и безпорядокъ приведетъ ю.

Лишь что денничка золотыи разляла лучи, уже поставали всѣ. Старый взялъ свою палицу, вѣрную въ путешествіи супругу, объемъ обоихъ рыбарей: Богъ Господь и защититель добра отплатитъ вамъ добродѣтель; прощался съ ними, прощался и Милень, и пустился въ товариствѣ старика на путь; тихимъ шагомъ ишли, и коль старикъ утрудился, посѣдали оба спочивати;

— пришедшу жару полудневному, Миленъ завель старушка въ зеленую тѣнь, ишоль для него овощей зберати; и снову провождали путешествіе; и коль уже соненько заходило, радостно показоваль старушковн Миленъ любезнаго отца своего домичокъ, котораго коминъ уже съ далеки показовался. —

Тамъ въ смятеніи журился теперь старый Богданъ, тоскуя горенько о сынѣ, трясся, что сынови его нещастіе случилось; но услышавъ звукъ развеселился, и се Миленъ уже въ объятіяхъ его; — сказаль ему сынъ нещастный случай, и сопутешественника своего участь, поцѣловаль любезнаго отца. — Богданъ слышавъ стараго судьбу, любезно привиталь его, и рекъ: честный чужестранецъ! съ радостію подѣлю съ тобою, что мнѣ Господь далъ, мое обыстя да будетъ и твоимъ обыстіемъ; съ тѣмъ посадиль стараго на мягкій столецъ, отложивъ его палицу и просиль, чтобъ спочиваль съ миромъ.

Удивившеся старый Раданъ, въ изобиліи сердца воскликнулъ: о Господи! ко-

лико челоуѣколюбія нахожу я тутъ, истина, праведность и благочестіе тутъ пребываетъ, тутъ нахожу я простую въ природѣ невинность, тутъ не токмо слышу, но и вижу гласъ божественнаго Евангелія, что въ пышныхъ градахъ не найти; — братья! я тронень вашею невинностію, я вамъ служити буду, я отъ васъ не удалюся. — Упокойся любезный друже, отвѣщаль Богданъ, у насъ все общее есть, ты сострадательность надъ несчастнымъ великою называешь благодатию; у насъ то повинностію называется, и свирѣпій звѣрь, кто не помилуетъ несчастнаго; бо прошто даетъ Господь землѣ моей плодъ? прошто защищаетъ Вседержитель худобу мою? ачей про то, чтобъ самъ уживаль божое благословеніе? нѣтъ брате, мы всѣ одного отца дѣти, мы братья, мы повинни ратоватися заимно! Между тѣмъ Миленъ уготовивъ брашно, и худоюужиною покрѣпилися, и пріялъ ихъ сладкій сонъ въ обятія. — Миленъ въ снѣ видѣлъ Любицу ужасно плачущую, и о несчастіи нарѣкающую, и такъ разжалился, что потъ обліялъ все тѣло его.

Зѣло рано гласили уже трубы, фуяры и свѣрѣли пастуховъ по лазурномъ воздухѣ; Миленъ взявъ свою гласную фуяру, и выпустивъ стадо, бѣжалъ къ берегу вручити его Братолюбу; спѣшно переплывъ, сталъ въ любезной рощицѣ, глядаючи любезную, кричалъ, кликалъ, и не обозывается; где ты любезна? долго задержуешь займну радость нашу, и непокойно лѣгъ къ студнику, где многоразъ въ обятіяхъ любезной спочивалъ, ждалъ уныло, и еще такъ долгое время не было ему.

Раданъ въ обятіяхъ Богдана вышолъ привитати святую природу, и возбужденъ чувствами веселился первымъ лучамъ денницы, которыи онъ въ градѣ не видѣлъ передъ тѣмъ. О прекрасна природа воскликнулъ, якъ ты прекрасна въ твоей невинной святыни, поздравляю васъ зелены холмы и долины, васъ шумящій поточки, и васъ невинно щебетающій птичатка, ваше пѣніе перевышаетъ звуки всякаго музыкалнаго рода; — о я чувствую тайное вліяніе природы, она разпростираетъ окрестъ мене воздухъ невинности, и рос-

кошнаго пріятства, безвѣстный огонь возгаряется въ сердцѣ моемъ, онъ разпростирается по всему моему составу. Сладостное состояніе! все мене плѣняетъ, все мнѣ приноситъ удовольствіе, все приводитъ въ удивленіе, все представляетъ мыслямъ моимъ свободу, и блаженство; оковы обременявшіи мене исчезли, сердце упоенно сладостію; изъ очей ліются чувствительныя слезы радости! — Всѣ существа наслаждаются здѣсь спокойствіемъ, и щастіемъ! невинныя селяне! вы вкушаете спокойно пріятности свободы, ночь приосѣняетъ васъ благотворными тѣнями своими для сохраненія отъ человѣческой жестокости; а въ градахъ? — о скоро увидить чловѣкъ день, и въ мѣстѣ съ онимъ узритъ мучителя своего; — о тутъ люде живутъ, а въ градѣхъ безчувствительніи звѣріе! благотворный сонъ царствуетъ въ хижинѣ токмо земледѣльца и пастуха, ни пронзительный гласъ злодѣйства, ни ужасныя чудовища ненависти, вѣроломства, или мщенія, ни суетныя происки жадности, и самолюбія, окламства и скупости никогда

туть не прерывають онаго, съ нимъ неотмѣнно обитають невинность, и спокойствіе. Когда туть сладкая тишина поконится, тогда въ пышныхъ градахъ злодѣйство владычествующее изощряетъ стрѣлы свои, приготовляетъ пагубный ядъ, и назначаетъ себѣ жертвы, словомъ въ градахъ тѣсный есть человѣку свѣтъ; человѣкъ человѣку змій, врагъ и волкъ; а туть распростертая каждому земля, туть друзья, туть братія; — о я презираю васъ пустыи грады, я туть успокоюся; брате, я съ тобой жити и умерати желаю, бо душа твоя пріемлетъ чувствованія смѣшанныя безъ живости, и безъ нѣжности! — Такъ говорилъ Раданъ, радость и веселіе объяснили честныи его взоры, обнялъ благочестиваго Богдана, и малымъ шагомъ ишли оба въ общій уже домичокъ. —

Но что чинить бѣдный Миленъ? — Онъ вшелъ во роцицу, Любицу не нашоль тамъ; разсмотрѣвъ, и о страхъ, имена ихъ стерты изъ кожи бука, где ихъ Миленъ врѣзалъ; о Господи! скричалъ, не дакое ли нещастіе случилось туть? о лишь

бы Любницѣ не сталося дашто! но чому ей нѣтъ здѣ? Миленъ разсуждалъ, не могъ похопити ужасный случай; между тѣмъ слышалъ шумъ въ корчѣ, радостно скочивъ, о тутъ есть она; — но мѣсто любезной предсталь ему смѣющійся Луканъ, вопрошалъ его: что ты искаешь тутъ Миленъ? Любницу ждаешь? О брате! я сожалѣю ти, всеу ждаешь ю, — она уже не твоя, она тебе болше не любить, сама склонилася мнѣ, сама подала мнѣ ручку, понравилось ей ся мое стадо, она богата желаетъ быти; она вчера тутъ была, власною рукою стерла изъ бука имена, отреклася тебе говоря: такъ да исчезнетъ первый мой неразсудный огонь, такъ да сотрется наша дурная любовь, якъ стерается кожа сія изъ очареннаго бучка; ненавижу мой первый составъ, теперь стираю его память изъ моего сердца; — тогда впала въ мои объятія, рекла: я твоя съ тѣломъ и душею, не желаю болше видѣти иностраннаго Милена; я сожалѣю ти брате, но что дѣлати? она свободна собою, она уже моя. —

Миленъ якъ громомъ пораженный впаль на землю, умлѣвалъ, безчувственъ сражался собою, и умерающему подобный воздвигъ очи: О ты вѣроломнице! где твои сладкіи слова, где обѣщанія, где присяга? — Я божуся небомъ, я тебе люблю хотяи и невѣрну, божуся, клянуся небомъ и землею, что никогда болше не посмотрю ни на одну дѣвицу, лишь тебе тоскуя, тебе любить буду, хоть взоръ твой болше не узрю. Сія не говоривъ но плакавъ, вергся на землю, и тяжкій вздохъ выразивъ, безмолвенъ смотрилъ на такъ прелестное мѣсто.

Луканъ свидѣтель былъ его тяжести, поднялъ его съ словами: брате, сожалѣю ти искренно, — но прошу не уболай твой жаль сѣми мѣстами, иди съ миромъ, я тя перевезу на другую сторону, — тамъ найдешь щастіе твое, тамъ найдешь вѣрнѣйшую дѣвицу; забудь, прокляни мѣсто сіе, и никогда не вернися на вѣроломства мѣсто, где токмо печалишь сердце твое. — Такъ поаялъ его за руку, посадилъ въ лодочку, и перевезъ на дру-

гую сторону рѣки, и посмѣялся, оставивъ его безчувственна. —

Миленъ заморочень, якъ изъ тяжкаго сна пробудившійся, не понялъ, что ему случилось; — сердце 'му было страшно, и вздохи силою двигалися съ трясущихся грудей; но по маломъ времени престаи слезы, упокоилися перси, простерся на земли; ахъ невѣрна! сказалъ, сломила вѣру, о якъ краткое было мое щастіе! якъ печальна была недавно еще, коль мати ю Лукану обѣщала. — О волѣлъ я умерти прежде, нежели ю первый разъ видѣлъ подъ широкою липою, коли первый разъ упала она въ мои объятія; о несчастный день, коль я ю видѣлъ, и еще несчастлившій, который мене до ей рощицѣ привелъ; о невѣрна! ты вѣришьшее сердце съ стадомъ перемѣнити годна; — но упокоюся, — что даремно плакати буду невѣрную; я потуплю тя, я презрю твое имѣніе, презрю тебе, и лукаваго твоего Лукана; — буди, о буди щастлива, забуди мене, естли можешь; моя радость будетъ, естли твой грѣхъ неперемѣнно въ слѣдахъ твоихъ бу-

детъ. — Такъ полный жалостію прибу-
дился, и болше слова о невѣрной не вы-
разилъ. —

Не увеселило болше печальнаго Ми-
лена веселое друговъ пѣніе, онъ съ нову
по прежнихъ блудилъ унылыхъ берегахъ,
самотный въ темномъ омраченіи скитался,
и хотяй потупилъ недостойную любви
окламницу, однакоже невѣрной вѣролом-
ницы прелестный образъ выразити не могъ
изъ тяжкихъ мыслей своихъ; часто вы-
шолъ на высокіи береги, и оттуду непре-
станно смотрилъ на вещающую сторону,
где его покой погребенный есть; но все-
гда еще болше опечалень, бо всегда лишь
Луканово стадо видѣлъ по зеленыхъ ши-
рокихъ лугахъ; ахъ несчастное стадо! го-
ворилъ, ты отъяло, ты ухитило мою
жизнь, ты вина моей несносной печали!
Такъ скитался три дни, не вкусилъ хлѣба,
ни воды пилъ, и уже отчаянному подоб-
ный самъ не видѣлъ, что дѣлаетъ. — Че-
твертаго дня раненько напрасно вырвался.
— Пойду скричалъ, пойду въ зеленую ей
рощицу, отдамъ долгъ природѣ, и на томъ

мѣстѣ отдамъ духъ, где первую жизнь чувствовалъ, где во обятіяхъ еи жизнь мнѣ солодка была; тамъ умру, тамъ отдамъ любовь въ жертву невѣрности.

Ишоль, и уже при студничку стоялъ, подѣ букомъ тѣнистымъ, где первую завязалъ любовь. — Тутъ, о тутъ выплачу мою душу, — тутъ можно погребеть тѣло мое нѣкто, тутъ буде ся блукати постоянный мой духъ. — О любезна фуяро послѣдній разъ оголосися, где весело играющу слышала она тебе, тутъ послѣдній задуѣ жаль; — приѣмъ фуяру, и запѣлъ жалостнымъ голосомъ :

Тяжкій жаль на сердцѣ моемъ

Творить мнѣ отходъ твой ;

Вѣроломна! непокоемъ

Пражу духъ, и взоръ мой ;

Стону, сохну, засѣдаю ,

И уже не обрѣтаю

Твой взоръ гладкій ,

Твой видъ сладкій ,

И образъ прекрасный.

* * *

Оставилась я жаждуща
 Любве твоей! — о жаль!
 Потупилась рыдающа;
 О несносна печаль!

О невѣрна! — сердце мое
 Болесное, и страстное
 Цовражила,
 Низчезила,
 Ты на вѣкъ поранила.

* * *

О помни еще на мене,
 Любезная моя,
 Повернися, глянь на мене,
 Еще я люблю тя;

Возврати ми хоть сонъ краткій,
 Возврати мнѣ покой сладкій,
 Ты Ангелъ мой,
 Хранитель мой,
 Помни мой непокой!

* * *

Тебе Луканъ, — о лукавый
 Богатствомъ обманилъ,
 Тебе блескъ суетъ безславный
 Напрасно очарилъ :

И ты клятву преступила,
 Вѣрно сердце потупила,
 Вѣроломна,
 О безбожна,
 Мою грудь погубила.

* * *

Не клянущя, — будь щастлива
 Въ объятіяхъ Лукана,
 Только молю — памятлива
 Буди и на Милена ;

Я покойно на мѣстѣ томъ,
 Где ты присягала небомъ,
 Отдамъ мой духъ,
 И онъ округъ
 Твоей долѣ избудеть! —

* * *

Милень такъ жалостно спѣвалъ, повторялъ гласомъ фуяры своея каждый стихъ; и се растворился розовый корчъ; онъ подвигъ оченька, и се, о небо! Любица предъ нимъ, съ блядымъ образомъ, печальнымъ видомъ, и слезными оченьками! — Что ты тутъ дѣлаешь жестокой звѣрю? рекла ему, естьлибъ была я знала твое присутствіе, не безпокоила бы твою прогулку; — обернувшись отити хотѣла. — И ты тяготишь жестокая, что еще разъ подолжаешь видѣти несчастнаго, отвѣщаль Милень, и хватилъ ю за руку; Любица отвратила лице, чтобъ слезы утаила; рука же ей горѣла, и тряслася якъ осика. Что? ты плачешь? ты невѣрна! Любица омочена слезами, трясущими глазами посмотривше, видить, что и онъ плаче: ахъ невѣрный и ты плачешь? рекла; о плачи, плачи вѣроломный, зри фалшивый обманцику тое сердце пораненое, которое про тебе несчастливое будетъ во вѣки; да будетъ слава твоя, что ты невинну и легковѣрующую дѣвицу прелестити, и обманити могъ; — о ты мене на вѣки оскорбилъ, я тобою

на вѣки несчастна; тогда ручками покрыла отъ слезныхъ токовъ мокрое личко, и въ великости скорби впала во объятія дивящагося Милена. Онъ трепетомъ притулилъ ю къ собѣ: о любезна вѣроломничко, ты уже плачешь! о ачей слезы жалости, ачей скорбишь о грѣсѣ невѣрности; пожалуй любезна, навернися къ моему страстному сердцу, помилуй тебѣ всегда вѣрнѣйшаго, для тебе самой живущаго смертнаго. — Любица вперше очи на держащаго ю Милена: что? ты обвиняешь мене вѣроломствомъ? а ты самъ невѣрный! Кто? я невѣрный? обозвалъ Милень, я невѣрный? о скари мене Боже, естьли я перемѣнилъ хоть крошеньку огня любви; дѣвушка, я терплю муку неисповѣдиму, я лишуся жизни, я рассыплюся отъ печали, естьли ты не отстанешь отъ твоего намѣренія; — дѣвушка! я малое стадо маю, но великое сердце, моя любовь перевышаетъ сторазь Луканово стадо; — дѣвушка! ты съ Луканомъ не будешь, о не будешь щастлива! — навернися вспять, бо ты для мене, а я для тебе рожденъ;

остави лукаваго Лукана, съ мною щастливѣйша будешь! Чудесный человекъ, что говоришь? я Луканова? нѣтъ, нѣтъ, богме нѣтъ; я Лукана не терплю, я постарѣю сѣдою партою, я умру, а я Луканова не буду; онъ злочестивый; онъ мене обманываль, онъ сказалъ, что ты мнѣ невѣрный, что тебѣ другой стороны дѣвушка понравилася, что ты стеръ имя мое, и проклялъ его, что ты мене презираешь, и будешь во вѣки презирати. Тебѣ Луканъ то сказалъ? напалъ Миленъ, о лукавый врагъ, о змій прародителей обманившій; онъ мнѣ побожился, что ты мене презираешь, что ты склонилася великому его стаду, имя мое стерла и проклинала; — Любице, любезна Любице! мы обманутіи, Любице прощай, я погрѣшилъ легкомысленно увѣривъ фалшивому Лукану; — тогда впавъ въ объятія любезной, держалъ ю съ трепетомъ въ притулѣ, бояся, чтобъ она съ нову не уйшла волшебною силою; такожде и Любица восхищенна радостію перепрошевала любезнаго, стыдящеся, что о постоянніи его сомнѣватися смѣла.

Теперь просилася Любица, для якія вины Миленъ обѣщаннымъ утромъ не пришолъ? — Миленъ расповѣлъ ей ужасный случай, приключившійся ему при возвращеніи; Любица слышавше сіе лишь что не замѣла, мягкое серденько ей трепетало, и вылудило изъ очей тучу слезъ; посемъ впала на колѣна, вперше на небо очи, благодарила Господу, что Милена ей въ нуждѣ содержалъ, щиро моляся о друголюбныхъ рыбарехъ, спасшихъ дражайшаго своего Миленя. Посемъ извѣстила Любица, яко она увѣдомила мамушку свою о посѣщеніи стараго отца его Богдана, сказала далѣй: о любезный другъ! горко-радостны слезы ліяла мамушка моя познавшая, что ты Богдановъ сынъ еси; о любезный Богданъ, онъ отца твоего пріятнѣйшій другъ, онъ благочестивый человекъ, чаю что и сынъ его наслѣдникомъ будетъ нравовъ его; — о дѣвушко, его мати моя любезна товаришка и ровесница была, но жаль! уже давно гніеть въ черной землѣ, але память ей благая отъ рода въ родъ! дѣвушко! ты щастлива, и я щаст-

лива въ благонаврономъ зятѣ: — приведи его спѣшно ко мнѣ, да возрадуется душа моя, и да благословлю васъ благословеніемъ горящимъ. О Любице! я благополучный въ числѣ смертныхъ, я недостойный толико блаженства, и радостно стиснулъ въ притулъ любезную дѣвушку. Но Миленъ! возвала просителнымъ голоскомъ Любица, пожалуй, приди сей часъ къ моей любезной мамушкѣ, приди, да увидить тя, и ты услышишь благословящую насъ займну Мамочку. — Иду, иду миленька, и сердечною скрухою поцѣлую лучшей мамушкѣ руку; и съ тѣмъ подвигшеса ишли весело къ обыстю благонавроныя Власты, где ю въ сѣняхъ голубочки кормившую найшли. Мамушко дорогая, вопѣла Любица, мамушко, аде мой любезный Миленъ, достогодный сынъ Богдана, любезнаго друга и побратима отца моего! — Власта честнымъ движеніемъ, и любезнымъ гласомъ витала прекраснаго юношу, и запросила до малой, но такъ порядной хижицы, что въ ней сама Крайничка жити могла бы, показующе ему мягкій столецъ, просила

его сѣсти; молодець же поцѣловавъ руку мамушкину, и поздоровлялъ ю о имени отца своего Богдана; на тое отповѣла добродравная Власта: здравствуй лучшаго друга сыне, здравствуй въ низкой хижицѣ моей; о якъ я радуюся, что ты найшолъ единую мою дѣвушку, васъ Господь въ другъ опредѣлилъ, и онъ васъ благословитъ благодарнымъ согласіемъ; они тогда разговорялися, Любица же выбѣгла, и скоро скоренько принесла овощи дозрѣлы, сыръ, масло и медъ положивше на перетканнымъ красками обрусомъ закрытый столъ; она трепетала отъ радости, и играючи кормила миленькаго, якъ кормитъ невинная горличка молодаго птенца своего; — смѣючися радостно смотрила сваволю дочери своей Власта, и обѣщала имъ, что на третій день свѣнчаетъ ихъ въ монастырѣ, где ихъ Господь сочеталь заимно; — тогда еще болша радость была, скочили обое, обjali старую мамушку, цѣловали руки ей, и просили благодаряще ей благословеніе. Власта поднявша на небо очи рекла: Дѣточки мои, вы радость и подпора старости моей,

о якъ весело будетъ мнѣ, чрезъ нѣсколько дней или и годовъ, которыи Господь опредѣлилъ животу моему, видѣти ваше щастіе; бо прекрасно то видѣти, коль добродѣтельныи споятся; они день днемъ достойнѣйшии суть себѣ, и любовь ихъ согласная никогда не погаснетъ. — Я памятаю на благополучіе оно, и память его горкіи слезы вылудитъ изъ моихъ очей; о въ обятіяхъ любящихся и щастливыхъ супруговъ, и самая печаль, самая горестъ солодка бываетъ. Такъ есть дѣточки, васъ небо сполло, вы въ благой годинѣ познакомились; о Господи, и я щастлива была, но щастіе мое не было долговременное; а протѣ и теперъ благодарю Господа, бо память любезнаго супруга всегда мнѣ чести достойна есть. — Слыши сыне мой, естли ти твой отецъ не сказалъ, слыши случай отца твоего и моего супруга, нераздѣльныхъ побратимовъ честогодный случай: — Отецъ твой добронравный Богданъ, съ моимъ супругомъ Драгоміромъ искореняли ниву, пасѣку приготавлиюще; и случилось имъ выкопати знатное сокровище; — о радость

велика, котель грошей сребряныхъ и золотыхъ, еще отъ временъ гоненія христіанства; мы теперь щастливи, сказалъ Драгоміръ, мы много богатства набыли, слава Господу. — Я не восхищаюся тѣмъ любезный брате, отвѣщаль Богданъ; я презираю сокровища не трудомъ набытыя; я не доткнуся имъ, и естлибъ я самъ ихъ набылъ бы, истину скажу, еще глубочайше закопаль бы ихъ; мнѣ пріятное убогство мое, бо мене не обременить жаръ солнца, и кудрява зима не заморозитъ твердын члены, мое сокровище суть руки мои; бо что бы я дѣлаль при толикомъ сокровищу? лѣнливо лежалъ бы, презрѣвъ работы, когда бѣдный мой сусѣда мозолилъ бы ся тяжело землю дѣлаючи, и кускомъ чорного хлѣба доволенъ; нѣтъ брате, я не желаю его, бо имѣніе помягчаетъ тѣло, и честныя нравы бѣдствіемъ обременить. Мудро говоришь побратиме, отвѣщаль мой Драгоміръ; и я не жадень сокровища; но да не лежитъ все, его Господь далъ, отдадимъ божое Богу; — тогда порадовался, и они основали сей Монастирь, въ которомъ васъ Господь сочеталь.

Миленъ довольно возрадовался о добродѣтели отца своего, прощался съ обѣщаніемъ, что на третій день совершенно вся приготовить на бракъ; отишоль, Любиза выпроводила его къ берегамъ, и молила чтобъ опасно управлялъ весломъ, чтобъ ему не случилось нещастіе; уже на другой сторонѣ существу рученькою кивала, и гнусными стопами разлучилися, ждающіи зореньку третяго дне.

Уже Миленъ далеко отишоль отъ береговъ, обозрѣвъ вспять уже не видѣлъ любезную, и близь дому своего увидѣлъ бѣднаго чужаго человѣка, сусѣдови свою печаль жалующаго. О брате, говорилъ убогій, не былъ бы я теперь скорбящій, естлибъ нещастный случай мене не избавилъ имѣнія моего; — о мое поле и домъ мой тамъ на бережку стоялъ, стромы мои ломалися подъ тяжестію овощей, но грозная туча и изъ ней набывшій поводъ утопилъ мою хижину, поле и садъ мой измывъ, и где гобзящая была доселѣ нива, тамъ теперь уже намуль, камѣньча, скалы и колоды; едень грозный валъ хижину увалилъ, дру-

гій стадо утопилъ, я самъ на высококомъ
буку спасся съ дѣтиною, котора еще не
понимаетъ несчастное свое сиротство, и
не была бы такъ тяжкая моя скорбь, кедь
бы сіе отроча со мною участное не было
того несчастія, естлибъ оно не терпѣло
убытка сего горкаго. — Миленъ густый
вздохъ пустивъ, и оскорбился на сей слу-
чай, помнувъ что поводъ сей и его несчаст-
нымъ учинити могъ, бо прибывшая рѣка
сего повода дѣло было, где онъ сражался
съ смертоносными волнами — благословенъ
говорилъ помагая бѣдному, о Господи ест-
либъ я могъ помощи подати ему! Господь
видитъ доброе дѣло, и вознаграждаетъ, о
кедь бы я богатый былъ, якъ упрѣмно по-
жаловалъ бы его. . . .

Такъ тоскуя вошолъ въ домъ отца
своего, и радостно сказалъ о посѣщеніи
Власты, приложивше, что минувшимъ тремъ
днемъ прекрасная Любица въ его обятіяхъ
будетъ якъ молода невѣста, домикомъ упра-
вляти.

Минувшей ноци, еще предъ выходомъ
солнца Раданъ по свѣжой росѣ перехожо-

вался, не за долго вышоль и старый Богданъ съ Миленомъ, поздравляюще старика добрымъ утромъ. На жадость Радана подишли на маленькй холмикъ, откуда вся долина прекраснымъ видомъ показовалася; — тогда старый Раданъ обнявъ друга своего Богдана и сына его Милена, сказалъ: Побратимы, сіе поле, сей садъ, и сін будинки вашіи суть, я вчера купилъ сія отъ хозяина и властителя; — сія для васъ будутъ, а я съ вами пожити хощу малый и краткй мой вѣкъ, а егда умру, ты Миленъ погреби тѣло мое подъ сею липою, и положи мнѣ надъ головою простостройный крестъ; пріймите брата сіе отъ своего друга. — Богданъ удивился: о брате сказалъ что ты дѣлаешь? я троненъ пріятельствомъ твоимъ, я владѣю моимъ полемъ, оно довлѣтъ сыну моему, естли онъ благочестивый будетъ; а естли онъ развращатель будетъ, тогда и все царское имѣніе ему малое будетъ; брате, я не потребую сіе. Но Раданъ просити его не пересталъ, докъ онъ не склонилъ на прошеніе; тогда возопѣлъ старикъ: Сыне мой! коль и я умру,

погребни и мене подъ другою липою, и назви двѣ липы: Раданомъ и Богданомъ, чтобъ память двоихъ друзей вѣчная была.

Миленъ съ ужасомъ слышалъ сѣи слова отца своего, и просилъ ихъ на холмичокъ, отъ туду показовалъ имъ рощицу Любицину, и домъ Власты тещи своя; — упорно высматривалъ Любицу, но всуе: посему походили все новое поле, и о прекрасный видъ! всягды такъ обремененны стромы плодомъ, что конары подпирати потребно было; прекрасный садъ поточокъ дѣлилъ, а подъ одной скалы чурчала зимна вода якъ ледъ, чиста якъ кристалъ; — поле широкоепространное обгороженное плотомъ новымъ. О воскликнулъ отъ радости троненный Миленъ, о якъ возрадуется моя Любичка, коль увидитъ свое прекрасное имѣние! Между тѣмъ повернулись къ Богдановому обустю, которое въ долину было, и при вратахъ увидѣли человекъ съ отрочаткомъ милостиню просящаго, котораго Миленъ вчера стрѣтилъ. — Богданъ услышавъ его несчастный случай: брате сказалъ ему ты несчастень, ты не самохотно, не про

лѣнность, не про небреженіе, не про неправный животъ убогимъ стался; Господь посѣтилъ тебе, ачей прото бы я добродѣтель показалъ, Господь заповѣдаетъ чтобъ милостиню творити, се поле сіе, и хижина со всѣмъ твоя будетъ, я тебе нею подарю, жій, усилуйся съ нову, и дѣлай съ Богомъ новое твое поле, избери и плоды стромовыи, да ты милостивый Богъ благословитъ; я маю новое обыстя, тамъ перенесуся. — Иностранецъ остолпѣлъ на сіе, онъ не вѣровалъ, слышалъ ли сія слова, или снлося ему; на конецъ же впалъ на колѣна, и такъ благодарилъ несповѣдимую благодать Богданову, Раданъ же и Миленъ возрадовалися о добродѣтели Богдана, и подтвердили своимъ сонзволеніемъ.

Возвратившимся имъ, Миленъ перебѣгъ къ своей Любицѣ, но ю въ роцѣ не снайшолъ; ждаючи ю, въ тѣни уже выше номянутого бука свернулся, и твердо заснулъ; но напрасно жменя цвѣтовъ падшая на лице сбудила 'го, онъ увидѣвъ Любицу, сей часъ скочити хотѣлъ, но не могъ; а што сталося, ни руку ни ногу подвигнути

годень; Любица же на сіе солодко засмѣялася, бо она его спящаго ширинками и пантликами повязала такъ искусно, что двигнутися не могъ былъ; — но ждай Любице, наверну я ти жартъ, и такъ сцѣлюю тя, ажъ буде личко твое ружицѣ подобное; нѣтъ не развяжу тя, пока не обѣщаешь, что за единъ цѣлый часъ не поцѣлуешь мя; но не поцѣлюю, отвѣщаль плѣнникъ любезный, и разрѣшенъ былъ. — Миленъ обѣщаніе свое законно подержаль, и хотя якъ зарывала его свавольная дѣвушка, онъ ю не цѣловаль, на конецъ же прорекла она: Миленъ, уже еденъ часъ минулъ. — О де бы? еще ни четверть часа, отвѣщаль постояннымъ голосомъ онъ; разговоряль ей о случившемся щастіи, что Раданъ ему пространое и богатое поле съ селомъ купилъ, что отецъ его бѣдному поводомъ несчастному все свое село дароваль; о Любичко моя, якъ ты будешь ся радовати здатной и порядно устроенной хижицѣ, якъ ты будешь порядати въ оной; смотри тамъ, а тамъ на холмику стоитъ твой домъ, между липами, садъ изобилный

зеленѣется, а чрезъ него шумящій бѣжитъ поточокъ; — любезна се твое все! Любица возрадовалася не такъ новому прибытію, но великой будущаго тестя своего добродѣтели и Радана пріязности; бо теперь вижу, говорила, что я щастлива, что Богъ буде мя благословити, бо благочестивыхъ Господь благословитъ.

Долго еще забавлялися любовники, бывшу же вечеру, рекъ Миленъ: любезна завтра уже не посѣщу тя, бо приготовлятися буду къ угощенію моихъ товаришей; о любезна, якъ я радуюся, всѣ моя стороны молодцы и дѣвушки обѣщались на свадьбу мою; такъ же и мои, отвѣщала Любица; обое тѣшилися, что всѣ радуются щастію ихъ. —

Пришедшу непокойножданому утру, зоренька трепетала свѣтлящими лучами, вся атмосфера обяснилася такъ, якъ никогда передъ тѣмъ, цвѣты благовонѣйшіи сѣяли пахъ, якъ даколи, трава зелена росю напоенна весело двигалася къ лучамъ, якъ бы все естество радовалося щастію Миленова торжеству; еще предъ деннич-

нымъ выходомъ собралися сей стороны молодцы съ прекрасно убратыми, партами и косицами украшенными дѣвушками, между веселымъ фуяръ и писчалокъ звукомъ, съ веселымъ пѣніемъ ожидали торжествующаго юношу. — Миленъ поблагодаривъ ихъ склонность, и рядомъ спѣшно бѣжали къ берегамъ, где ихъ косицами убранныхъ лодочокъ и плытей множество ожидало; — наремно переплывше рѣку, не задолго уже подъ стѣною Любицевыя хижицы стояли, где тамтой стороны молодцы съ дѣвушками любезно привитали ихъ; прекрасно и громко разлился по долину голось несчисленныхъ фуяръ, пѣніе небо пробивало, любезное дружество занимало всѣхъ; дѣвушки обонхъ сторонъ начали съ польныхъ цвѣтовъ и зеленого бервинку вѣночки плести, и обычайную пѣснь тоненькими заспѣвали голосочками; видѣлося, что множество соловѣевъ щебечеть по зеленой дубравѣ. — Пѣснь вѣночкова была слѣдующая:

Горѣ соненько горѣ,
Війся вѣночку вскорѣ;

Вѣночку бервиновый
 Буди скоро готовый,
 На Любичу голову,
 Другій на Миленову. —
 Будь Миленьку веселый,
 Якъ бервинокъ зеленый,
 А Любичка буде ти
 Якъ ружичка цвѣнути.

Уготовленнымъ же вѣночкамъ, возложили дружочки еденъ, съ жолто-синими пантликами переплетеный на головку Любицы, а другій на Миленову; потомуже всѣ дѣвушки косичками, и вѣнками чрезъ рамена крестообразными прицифровались, и такъ зачали хлопцы съ дѣвчатками разомъ спѣвати :

Ужъ соненько выходитъ,
 Уже Милень приходитъ
 По свою молодицу,
 Чернобрыву Любицу:
 Будь мамочко здорова,
 Ужъ Любичка не твоя,
 Ховалась ю, но кому?
 Милену молодому.

И тогда взявше глупцы Милена, дѣвушки же Любицу межъ себе, попроварили ихъ въ святой Монастирь, где честный сивобородатый законникъ ихъ законно сочеталъ и благословилъ, присутствующимъ горливо молящимся, и просившимъ благодать отъ Господа на любезныхъ молодыхъ. —

Великое то было торжество, бо благочестивый Раданъ на праздникъ той купилъ 10 овечокъ, и двѣ бочки солодки медовки, и такъ свадьба за три дни держала, где сродники и братія увеселялися, хлопцы же всѣ съ Миленомъ, а дѣвушки съ Любицею побратимство силно подтвердили.

МИЛОГО ЖДАЮЩАЯ ДѢВУШКА.

Въ загородцѣ при поточцѣ
 Русочка сидѣла,
 Смутна сердцемъ, бо милого
 Сей день не видѣла:
 Ахъ я несчастна дѣвчина!
 Ачей заняла го ина? —

Але нѣтъ, нѣтъ; болше маеть
 Гордый Русинъ чести,
 Якъ бы его годень нѣкто
 На баламутъ свести;
 Онъ мене все щиро любилъ;
 А чему бы теперь блудиль?

Я его тутъ буду ждати
 Хотяй до полночи,
 Приде онъ поутирати
 Мои слезны очи;
 Подасть ми бѣлу рученьку,
 И поцѣлуе миленьку.

Ужъ мѣсяцъ високо вышолъ,
 Милый не приходитъ,
 Въ сердцѣ милой что разъ болшій
 Непокой ся родить.
 Ахъ скричала! подь скоренько,
 Потѣши мое серденько.

Уже мѣсяцъ за горами
 Зашолъ, милого нѣтъ;
 Уже полночи минуло,
 Погасалъ ясный свѣтъ.
 Отчаянна скричала: охъ!
 Пустя зъ грудей печальный вздохъ.

Здравствуй мѣсячку темненькій,
 Я не могу ждати,
 Бо миѣ въ часъ рано потребно
 До работы стати;
 Скажи тому невѣрному,
 Чтомъ пошла смутна до дому!

Алекс. Павловичь.

ТОСКА ЗАРУЧЕННОЙ.

Прошѹ красно преславную столицу,
 Най выслухать одну бѣдну горлицу:
 Бѣднамъ стала, скажу правду плачучи,
 Не е нянька, не е мамки помочи.

Еденъ хлопецъ былъ ми милый, всячина,
 Вѣрный ко мнѣ якъ братъ сестра, родина;
 Но сесь хлопецъ утягъ коцку чорную,
 Воякъ зосталъ, лишилъ мене бѣдную.

Славны паны, пустьъ ми го прощу васъ!
 Послушайте разъ дѣвчины смутный гласъ;
 Такъ благого якъ мой милый не найти,
 Битку?! войну?! не дай боже ѥ видѣти.

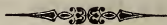
Мой миленькій есть слабый за вояка,
Онъ молодой не подержитъ коника;
А туй дома мировиме солодко,
Онъ мя возме, прожіеме двоичко. —

Охъ! взяли го, прибрали за гусаря,
Такъ былъ красный, ялый бы за капляря;
Что за хосенъ изъ красного платѣчка,
Кедь зостаеть сама его миленька.

Не плачь мила, свѣтъ не гине, прійде часъ,
Гдесъ загрѣе разъ солнѣчко и на насъ:
За Вѣру, Царя я Русинъ кровь душу
Радъ даю, но й тебе имѣти мушу. *)

Николай Нодь.

*) Сія пѣсня прекраснымъ г. сочинителя голосомъ
воспѣта при случаю радостнаго торжества дня
8/20 октоврія 1850 въ память наданнаго краеваго
устава Галиціи, удостоилася полного довольствія
и громкаго рукоплесканія Вѣденскихъ Русиновъ.
Она поется по голосу народной жалостной думки.

С о д е р ж а н и е.

	Стор.
Поздравленіе	3
Орель	9
Мысль о Бозѣ	15
Сирота въ Заточеніи	19
Воспоминованіе	24
Пѣснь Русско-Народна	26
Свобода	28
Радость о Свободѣ	30
Убѣгша свобода	33
Свобода	35
Незабудка	37
Сѣтованіе Павла Аньоша	40
О придворной жизни	43
Спишакъ и Ехо	48
Жаба	50
Привѣтствователныи стихи Его Величеству Всемило- стивѣйшему Царю Францъ Іосифу Первому на день Славнаго Рождества отъ Русиновъ Выш- няго Спижа на крылахъ Орла Татранскаго при- несенный дня $\frac{6}{18}$ септя 1850 года	52

	Стор.
Отвѣтъ Орлу Татранскому	57
Третій Мая 1850	60
Русскій Добровольникъ	62
Вручаніе	69
Память Щавника	71
Милень и Любица идильская повѣсть отъ древ- нихъ Русиновъ времянь	79
Милого ждающая дѣвушка	150
Тоска зарученной	153

